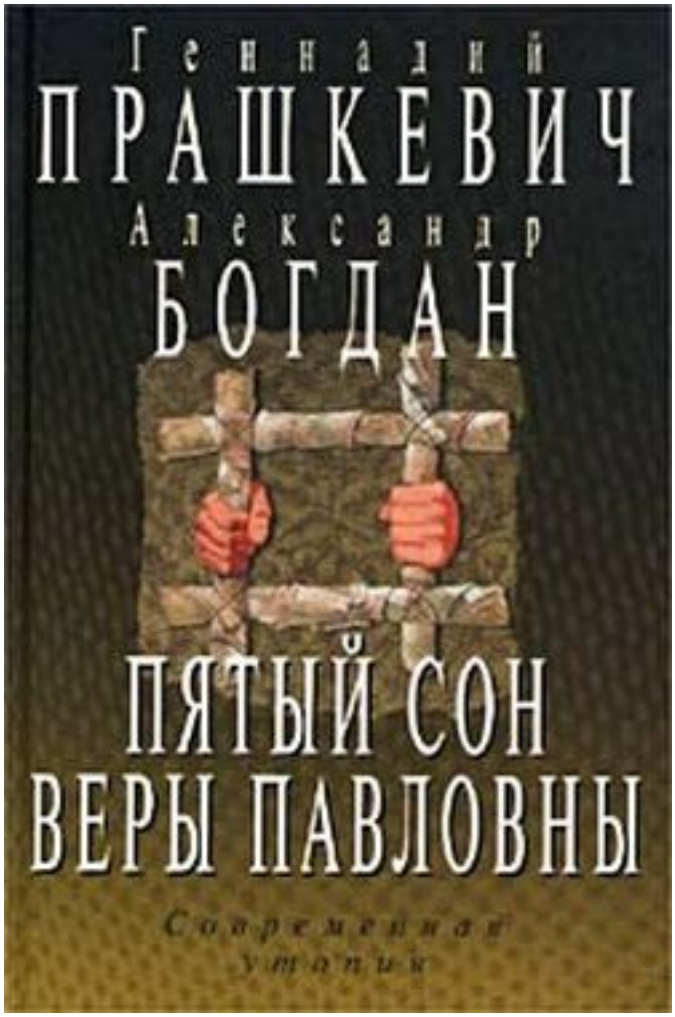

Геннадий
ПРАШКЕВИЧ
Александр
БОГДАН
ПЯТЫЙ СОН
ВЕРЫ ПАВЛОВНЫ
Современная
утопия

Геннадий Мартович Прашкевич
Александр Богдан

Пятый сон Веры Павловны

предоставлено автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164656

Аннотация

Боевик с экономическим уклоном – быстрый, с резкими сменами места действия, от Индии до русской провинции, написанный энергичным языком.

Содержание

Часть I. ВСЕ ТАЙНЫ 4
Дитя обруба 4
Фигурант 14
Дом Будды 24
Пятый сон Веры Павловны 30
Предупреждение 39
Реальная грязь 49
Яблоко Фурье 53
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Геннадий Прашкевич, Александр Богдан
Пятый сон Веры Павловны
современная утопия

Часть I. ВСЕ ТАЙНЫ

Что поешь в церкви – это одно, а что поешь наедине с собой – это совсем другое.
У. Сароян.

Дитя обруба

Субботнее утро оно и есть субботнее.

Хорошо бы выспаться, но о встрече просил Суворов, поэтому Сергей появился в кафе при автозаправке точно в девять утра, благо, спозаранку, но ко времени позвонил Мишка Чугунок, хряк окабанелый, неистовый – давний приятель, ныне активно бегающий от кредиторов.

«Привет, Серега! Не спит соловей томский?… – Артикуляция у Чугунка была необычная, торопясь, он некоторые слова произносил невнятно. – Вопросами меня не томи, – (Сергей и не собирался томить его вопросами), – я к тебе издалека. Сам буду говорить, время денег стоит. Дело тут у меня наклюнулось, весь на старте. Если всё хорошо пойдет, через месяц подарю Суворову одну книжку. В Омске присмотрел. Из библиотеки Мартынова. Слышал про такого? Да нет, не тот, который убил Лермонтова, брось прикалываться, – заржал Чугунок, он любил шутку. – Книжка называется „Цоца“, в ней всего двенадцать страничек. Суворов такие любит. Говорят, что в России таких книжек сохранилось штук пять. Вот и подарю Суворову „Цоцу“, пусть радуется, нормальный человек все равно в ней ничего не поймет. Это тебе не туалетная бумага с переводными картинками. А то привыкли: „Мишка дурак! Мишка дурак!“ А какой Мишка дурак? У Мишки просто жизнь нервная. Сегодня Мишка здесь, завтра там. Занимаешься бизнесом с уважением к людям, а тебе все время твердят, что завтра придет дядя со звездой на шапке и с револьвером в крепкой руке, и все отнимет. Не спорь, у Мишки не слабая жизнь».

«А я и не спорю, – усмехнулся Сергей. В наклюнувшееся Мишкино дело он не верил. – У тебя что, опять облом?»

«Да нет, я весь на старте, – стоял на своем Чугунок, он не любил длинных бесед. – Мне бы тут деньжат для начала…»

Ну и так далее.

Чугунок всегда звонил в неурочное время, чаще всего под праздники. От души поздравлял с полузабытым Днем рыбака, или с совсем уже позабытым Днем танкиста, а то и с праздником Великой Октябрьской Социалистической революции. Все помнил, пыхтел, торопливо выговаривал каждое слово, правда, не каждое внятно, а уж потом, как бы между делом, вворачивал просьбу. Ну, штуку там, может, две. Больше ему не надо. Он ведь весь на старте, штуки две (баксов) ему нужны для подогрева.

В принципе, Сергей никогда не отказывал Чугунку.

Но позвонив, Чугунок чаще всего надолго исчезал. Иногда очень надолго. Видимо, многочисленные рассерженные кредиторы не давали Чугунку засиживаться на одном месте.

Сергей дивился: вот совсем неглупый мужик, работящий, многое умеющий, а валяет дурака, живет пустыми иллюзиями, хватается за соломинку, вновь и вновь залезает в долги, а лучше бы работал.

Как упомянутый Суворов, к примеру.

С Философом, как прозвали Суворова в дружеском кругу, Сергей близко общался с давних пор. А знал и того больше: еще с провинциального Киселевска, где Суворов после окончания Саратовского университета преподавал в Горном техникуме. Потом оба доцентствовали, уже в Томске. Философ в университете, Сергей в Политехе. Редкий человек. Случалось, что Сергей специально ходил на его лекции.

Суворовский натиск.

Иначе не скажешь.

Среднего роста человек, шатен, ничем особым не заметный, ну, может, с чуть более высоким, чем у других, лбом, немного глуховатый на левое ухо, постоянно поддергивающий полы пиджака, будто пиджак, пошитый в Лондоне, действительно мог плохо сидеть на его узких плечах, Суворов, поднимаясь на кафедру, преображался.

«Уважаемые коллеги, – сипловатым голосом обращался он к студентам. – Если мы с вами правда живем в лучшем из миров, то каковы же другие?»

Вопрос действовал.

Философ сразу же загорался.

«А может, лучший мир существует только в нашем воображении? Может, иначе и быть не может? – загорался Суворов. – У Вольтера, помните, совсем обыкновенные дети в потрепанных одеждах, правда, из золотой парчи, играют в шары на околице счастливого города. Шары выточены из золота, изумрудов, рубинов. Даже самый меньший вполне мог бы стать украшением трона Моголов. А над просторными площадями бьют струи цветных фонтанов, поблескивает хрустальная вода, все сияет, все радует глаз. И бортики, и дно бассейнов с хрустальной водой выложены драгоценностями. Праздничная радуга, а не обыденный мир… Впрочем, – наклонял голову Суворов, – даже в самом счастливом мире непременно найдется человек, который не удержится от вызывающего вопроса. Непременно найдется человек, который заявит: ну да, все это хорошо, все это прекрасно – и фонтаны, и драгоценные камни, и золотая парча, но где тут у вас, черт побери, тюрьмы или какие-то другие заведения пенитенциарной системы? И этот человек будет прав, – восклицал Философ. – Без заведений такого рода нигде нельзя обойтись. Построив всеобщее счастье, любое общество сразу задумывается о способах его защиты. Другое дело, что мы не можем указать координат такой счастливой страны. Даже о Шамбале в древних книгах просто сказано, что она лежит где-то к северу от Сиккима…»

Философ делал очередную паузу:

«И все-таки идеальная страна должна где-то существовать».

Не было случая, чтобы Суворов забыл произнести эту сакраментальную фразу.

Впрочем, на то он и Философ, усмехнулся Сергей. Самого его занимали сейчас совсем другие вещи. Не менее интересные, кстати. Например, сильно занимали его слухи о недавнем исчезновении Олега Мезенцева.

Крупного предпринимателя Мезенцева в Томске прозвали Новый капиталист. Как ни странно, прозвище прилипло. Пресловутые пять процентов акций приватизированного предприятия «Томскнефть», в свое время распределявшиеся между директорским корпусом, принесли Мезенцеву солидный капитал. А грамотная массовая скупка ваучеров (бутылка – ваучер) и правильное их вложение в дело существенно увеличило этот капитал. Знающие люди оценивали Мезенцева минимум в миллион долларов. Действуя весьма напористо, Мезенцев скупал все – от швейных предприятий до пунктов Горбытпроката. Кое-кто не без

оснований считал, что безработица в городе выросла в последний год не в последнюю очередь благодаря Мезенцеву.

И вдруг Мезенцев исчез.

Процветающий бизнесмен, существенно влиявший на жизнь всей области (и не только), исчез самым загадочным образом: утром выехал в офис и не доехал до него, пропал где-то по дороге вместе с новенькой БМВ. Водителя в тот день Мезенцев почему-то не вызвал, сел за руль сам.

Понятно, по городу сразу поползли слухи.

Кто-то якобы слышал взрыв гранаты. И не где-то, а вблизи Лагерного сада. А кто-то якобы видел, как горела на берегу Томи какая-то иномарка. Ну и все такое прочее. Только как, интересно, могла попасть иномарка на берег реки? И почему после взрыва (если он был) нигде не осталось ни мертвых тел, ни груды искорёженного металла?

Сама мысль о Мезенцеве Сергея раздражала.

На Мезенцеве он всегда только терял. В последний раз потерял пятьдесят тысяч. Не рублей, конечно. Деньги не то, чтобы очень крупные, но для Сергея не маленькие. К тому же, были они *заработаны*, а для честного предпринимателя это кое-что значит. Обидно было и то, что Мезенцев совсем было уже собрался отдать долг – часть наличкой, часть нефтепродуктами. И вдруг исчез.

Как сквозь землю провалился.

Ладно, отмахнулся от воспоминаний Сергей. Раз тело не найдено, значит, объявится Мезенцев. Рано или поздно объявится. Ведь было уже такое. С тем же Ленькой Варакиным. Ленька, конечно, отпетый мошенник. Но зато веселый мошенник. Деловые люди следили за хитроумными финансовыми операциями Варакина с возмущением, но и (следует признать) с тайной завистью, и когда два года назад Ленька Варакин исчез, не один Сергей интересовался тем, кто и как его ищет.

А Варакина искали. Была поднята на ноги милиция, объявлен всероссийский розыск. Жена Варакина наняла частного детектива. Десятки людей включились в поиск, и, будто в ответ на все эти усилия, на имя жены Варакина однажды пришло письмо – самый обыкновенный конверт, отправленный, судя по штемпелю, с Сахалина. А из письма стало известно следующее. Томский бизнесмен Леонид Варакин, находясь в твердом уме и ясной памяти, поручает жене и нескольким друзьям, указанным в специальном списке, завершить все начатые им дела. От нажитого капитала он отказывается в пользу семьи и все тех же нескольких указанных в списке друзей, а сам обретает последнее пристанище вдали от мира в одном из тихих монастырей на Дальнем Востоке.

Смиренное письмо, простое.

Жена Варакина подтвердила, что письмо действительно написано ее мужем. И специальная экспертиза это подтвердила. А жена добавила еще и то, что такое письмо вполне было в Ленькином характере. Так что, *исчезнуть* в наше время это еще не означает быть похищенным или взорванным.

Время странное и поступки странные.

Вот владелец автозаправки, например, не сильно мудрствовал: покрыл открытую террасу полосатым тентом и поставил под ним несколько желтых пластмассовых столиков и такие же стулья. Сиди, прихлебывай кофе, поглядывай в сторону низкой, прячущейся в низине Томи, разглядывай сизоватую дымку горизонта, слегка расцвеченную редкими облаками. Правда, стоило отвлечься, как вид принципиально менялся. Стоило отвлечься и в поле зрения сразу попадали два раздражающе плечистых плохо выбритых качка за соседним столиком. Мордастые, плотные, в черных футболках и в черных джинсах, они не поленились прикатить в ничем не примечательное кафе в столь ранний час.

С ними был третий.

Не качок, конечно, а известный на весь Каштак порученец Венька-Бушлат. Несовершеннолетний инвалид, кстати. В германской коляске на велосипедном ходу он суетливо, но ловко катался сейчас между столиками, пытаясь заговорить, зачаровать или хотя бы ущипнуть молоденькую Олечку-официантку. «Отвянь!» – визгливо отбивалась официантка, но Венька-Бушлат не отставал. Коляска под ним была германская. Превосходное изделие, не в пример самому Веньке, сварганенному алкашами-родителями на скорую руку в одну глухую осеннюю ночь. Ножками Венька с детства не ходил, но вот сумел ведь, совсем отбился от дома. Раньше мизерная пенсия по инвалидности не позволяла ему вести себя нагло, но в последнее время у Веньки появились деньги. И теперь понятно, откуда, подумал Сергей, неодобрительно наблюдая за несовершеннолетним инвалидом.

У любого человека, даже у самого глупого, существует некая собственная внутренняя Вселенная, созданная им самим. Входит туда все, что этот человек успел узнать и прочувствовать. У Веньки тоже была такая внутренняя Вселенная, правда, маленькая, может даже меньшая, чем у крота. Эту его Вселенную составляли отдаленный район Томска – Каштак, ну еще несколько улиц, на которых он побывал. Еще о немногом Венька что-то слышал, а обо всем остальном только догадывался, и, как правило, не верно. Веньку вполне можно было пожалеть, если бы не его паскудная мордочка.

Не лицо, а именно мордочка.

Длинная, острая, верткая, с острым, как у хорька, торчащим вперед остреньким носом, с мутноватыми, часто помаргивающими глазками чуть на выкате, всегда водянисто посверкивающими, всегда подло озабоченными, с плоскими, вечно жующими губами, с мелкими желваками, так и ходящими от непрестанного жевания. Сколько Сергей помнил Веньку, тот всегда жевал – в детстве самодельную лиственничную серу, теперь жвачку. И чем большее нервное напряжение испытывал Венька-Бушлат, чем сильнее он нарывался на скандал или чего-то боялся, всматриваясь в какое-то неясное для его маленьких мозгов явление, тем быстрее ходили его короткие дефективные челюсти, тем торопливее работали его вечно отрыгивающие матом, как едкой желудочной кислотой, грязные жвала.

Гоняясь за молоденькой официанткой, Венька никого не боялся.

Он прекрасно знал, что пока рядом за пластмассовым столиком сидят небритые качки, никто не решится не то чтобы там тронуть, но даже слова лишнего ему сказать. То, что официантка Олечка отмахивалась, и время от времени бросала однообразное и испуганное «Отвянь!» – только говорило о ее глупости и придавало Веньке сил. Казалось, гоняясь за испуганной официанткой, он жадно, как рыба, жевал не жвачку, а сам нежный утренний воздух, лишь совсем чуть-чуть отдающий бензином.

Сергей покачал головой.

По-хорошему следовало бы выкинуть Веньку-Бушлата из кафе, то есть спустить коляску слюнявого придурка со ступенек, чтобы не пугал девчонку, да и место тут, в принципе, было чистым – по крайней мере до сегодняшнего утра рэкетиры сюда не наезжали; но спусти такого хорька с лестницы, визгу и вони не оберешься. А пользы никакой. Ну, само собой, качки вмешаются, начнут глумиться: зачем, дескать, обижаешь несовершеннолетнего, зачем пристаешь к сирому?

А сирому что? У сирого да несовершеннолетнего за спиной они самые – эти плохо выбритые качки, давно привыкшие к легкой жизни. Это неважно, что Венька мокр от пота, от жвачки, от суетливости, тощ и хил, в чем душа держится, ни в каком виде никакого алкоголя не выносит, говорят, что даже от хорошей жратвы его рвет, – это, наверное, вранье; кто поручится, что придурочный инвалид в любой момент не выхватит из-под шерстяного пледа, которым он кутает недействующие ноги, опасную бритву или газовый пистолет?

С него станется.

Даже выстрелить в человека с него станется.

Ведь знает, что дальше психушки его не упекут.

У таких, как он, одно удовольствие – пугать людей, держать людей в страхе. Дескать, хлеба и зрелищ!

Сергей покачал головой.

Такой вот несовершеннолетний инвалид, никого особенно не насторожив, в любое время может подъехать к коммерческому ларьку, приподнявшись на руках, нагло заглянуть в окошечко и подмигнуть продавщице выпуклым водянисто поблескивающим глазиком: а вот, дескать, и я, не ждали? С вас причитается столько-то, а с вас столько-то. У вас нет денег? Не хотите платить? Ах, считаете меня придурком? Ах, я для вас просто мелкий хорек? Нет проблем. Только уже сегодня ваша конурка возгорится. Сама по себе. А потом может хуже что-то произойти. Что хуже? Ну, как что? Разве не слышали? Один, бывает, ломает ногу, другому фрак на яйца натягивают. И, наконец, угрожающе: кого, кого ты козлом назвал?

Крепко чувствует качков за спиной.

Вот и горят коммерческие ларьки, сыплются со звоном с витрин бутылки и битое стекло, хотя понятно, что чаще всего подобные проблемы разрешаются путем переговоров на условиях, поставленных качками. Так что, сделав свое дело, Венька-Бушлат довольно катит по Каштаку в германской коляске на велосипедном ходу, провожаемый ненавидящими взглядами. И, как это ни удивительно, с тех пор, как Веньку возненавидели все местные торговцы, на вид он стал здоровее. И уж точно, наглей. Но все равно забираться на чужую территорию раньше Венька не осмеливался. Значит, меняется что-то в районе, подумал Сергей. Значит, растут аппетиты. Значит, набирает силу команда, в которую так удачно вписался Венька. Скоро раскинет несовершеннолетний инвалид свои бледные картофельные ростки по всему Каштаку, и никому от него не уйти.

– Отвянь!

Вегетативный срыв, усмехнулся Сергей.

Несовершеннолетний инвалид упорно и нагло преследовал официантку по всему кафе. Куда Олечка, туда и Венька. Так и норовил вздернуть и без того короткую Олечкину юбку, так и норовил ущипнуть девчонку за всякие такие места, явно радуя этим молчаливых качков, вызывая у них скользкие ухмылки. И при этом Венька что-то страстно и угрожающе мычал, что-то невнятное нашептывал испуганной девчонке. Олечке по молодости лет было и страшно и противно, она еще год назад училась в школе, но пока терпела, только отмахивалась. Во-первых, потому, что сама ни о чем договориться с качками в принципе не могла, во-вторых, слышала уже что-то о рэкете и рэкетиров боялась, и наконец, в-третьих, гораздо больше, чем слюнявый Венька, пугали Олечку мрачные качки в черных футболках и в джинсах. Они пришли и даже воды не спросили, не то, что водки, а ранняя улица была пуста.

Сергей взглянул на часы.

Суворов должен был подъехать с минуты на минуту.

Да и хозяин автозаправки, наверное, скоро появится. Потолкует с качками, все разойдутся и опять наступит порядок, к удовольствию Олечки.

И все, наверное, так и было бы, не появись Мориц.

Поэт-скандалист. Дезадаптированная личность с дилинквентным поведением. Он сам так говорил о себе. А глаза его закрывали солнцезащитные очки в простой металлической оправе. На голове Морица сидела выцветшая бейсболка с длинным козырьком, на плечах лиловел джинсовый жилет. Черную футболку украшали английские буквы NO, напоминающими скорее химическую формулу, чем отрицание. Давно не мытые длинные волосы спадали на плечи, правая рука была поднята – жест приветствия. Короче, крепко несло от Морица крейзовой энергетикой. Совсем ни к чему было сталкиваться в тихом кафе двум таким разным людям, как несовершеннолетний инвалид и дезадаптированная личность с дилинквентным поведением. Ничего хорошего получиться из этого не могло, поскольку для

Веньки-Бушлата с появлением Морица святки, конечно, кончились. Мориц в Томске был известен именно тем, что мог всё.

Именно всё.

Мог, например, пить неделю, а мог не пить неделю, мог обидеть ангела, а мог веселиться с дьяволом. Жизнь постоянно доставала Морица, но достать никак не могла.

Увидев Сергея, Мориц со швейковским добродушием отсунул в сторону легкую германскую коляску инвалида и подошел к столику, где уселся на пластмассовый стул, сдернув с головы бейсболку. Длинные волосы окончательно рассыпались по плечам. Неизвестно, было ли Морицу хорошо, но, к примеру, возмущение отсунутого в сторону несовершеннолетнего инвалида не произвело на него никакого впечатления.

Все же он присоветовал добродушно:

– Не коси под латиницу, отдерись от девки, дурик. Симпатичная коррелянтка, не по тебе. Газеты читай, старый дрозофил.

Вот и все.

Казалось бы, совсем простые слова, и произнесены были добродушно, но качки за соседним столиком насторожились.

– Ты это что? – изумился Венька.

Он был потрясен, он был убит неслыханным обращением.

– Ты это что? – потрясенно воскликнул он. – Я ж прежде не судимый! Какие такие газеты?

– Да для юных мастурбантов, выпестыш, – еще добродушнее пояснил Мориц, и издалека помахал рукой официантке: – Не токмо платие твое игривый ветр раздул, девушка, но такожде и наше возхищение и любование.

От неожиданности Олечка замерла.

И качки за соседним столиком тоже уставились на Морица.

Вряд ли они слышали о поэте-скандалисте, но вообще-то в Томске Морица знали. Правда, качкам это было по барабану. Ожидая хозяина, они решили, наверное, что длинноволосый лох в бейсболке и в темных очках, так неожиданно появившийся в кафе, сильно облажался, обидев несовершеннолетнего инвалида. Скорее всего, такое впечатление осталось у них от непонятного сочетания – старый дрозофил. Венька-Бушлат, ну, какой он старый? И почему дрозофил? В сочетании со словом мастурбант непонятное слово звучало тревожно. Конечно, несовершеннолетнего инвалида нелегко было сбить с толку, но обид Венька-Бушлат не прощал. Вот сейчас он придет в себя, наверное решили качки, подкатит к столику и сделает длинноволосому лоху в очках что-нибудь смешное. Страшно смотреть, как умеет веселиться злостный инвалид.

На Сергея качки не обращали внимания.

Ну, сидит за столиком еще один лох. Плечистый, правда, и рыжий, но все равно лох. Понадобится, отключим.

– Тяжко мне в сияющем эфире, – все с тем же необозримым швейковским добродушием сообщил Мориц. – Тяжко мне в гаснущем свете Звезды Богородицы. Сплошной депресняк, если не думать о вечном.

И добродушно предложил:

– Возьми красного портвешка. И пусть подадут печень животного.

Сергей кивнул.

О Морице он слышал много.

Даже встречал Морица у Суворова.

Ни по слухам, ни по личному знакомству Мориц ему не понравился. Дезадаптированная личность с дилинквентным поведением? Да наплевать, да сколько угодно! Называй

себя, как хочешь, и надирайся, как хочешь, и неси любую чухню, но только необязательно мочиться на глазах гостей в гостиной пригласившего тебя человека.

– Почему портвешка? – неодобрительно спросил он, стараясь не выпускать из виду ошеломленного, откатившегося в сторону инвалида. Незаметно поглядывал он и на насторожившихся качков. Возможно, только присутствие Сергея еще спасало длинноволосого поэта от расправы. Мордой об стену, прилавком под дых, известное дело. – Почему портвешка? – переспросил он. – Выпей рюмку «Алтая».

– Портвешок красивше.

Испуганная, но зоркая Олечка, нисколько не успокоенная появлением в кафе еще одного непонятного человека, незамедлительно принесла большой фужер с портвешком, и выглядело это, правда, красиво – желтый пластмассовый столик, на нем большой стеклянный фужер, а в фужере красный портвешок, весело пускающий концентрические круги по поверхности. Все это действительно выглядело так красиво, что даже несовершеннолетний инвалид подъехал к столику. Сперва Сергей решил, что инвалид одумался, что он хочет что-то такое умное спросить, таким хитрым и осторожным стал у него взгляд, но, оказывается, Венька-Бушлат подъехал не просто так, а по делу. Наверное, внутренне содрогаясь, но все время помня о присутствии качков, он быстро и точно плюнул в фужер поэта.

Получилось у Веньки ловко.

Вся слюна попала в фужер, в полете не потерялось ни капельки.

А сделав это свое паскудное дело, несовершеннолетний инвалид горделиво задрал маленькую глупую голову и, как петух, боком посмотрел сперва на Сергея, потом на Морица. Не будете же вы бить несовершеннолетнего инвалида, падлы, утверждал его взгляд. Я, может, и сам такая же падла, но ведь инвалид. Не броситесь же вы на меня, правда? Ну, а если вопросы возникли, то нет проблем. Все вопросы к качкам.

– Классно! – отметил Мориц, все с тем же швейковским добродушием разглядывая слюну, медленно расплывающуюся по поверхности портвешка. – Классно, старый дрозофил!

И затосковал неожиданно:

– Чем выше, тем круче.

И не поворачивая длинноволосой головы, присоветовал:

– Ты только не выпучивайся, выпестыш. И руки вынь из-под пледа.

Венька-Бушлат держал руки на подлокотниках удобной германской коляски, но, похоже, Мориц попал в больное место. Замерев с бессмысленно приоткрытым ртом на подлой остроносой мордочке, Венька страшно побагровел. Сперва какой-то старый дрозофил, значит. Потом выпестыш! А теперь еще и руки!

Казалось, инвалида хватит удар.

Плечистые качки со все возрастающим интересом смотрели на происходящее.

Они прекрасно знали, что появившийся в кафе длинноволосый лох в солнцезащитных очках, так неостроумно поступающий с Венькой-Бушлатом, это не свой человек. Это чужой человек. Это человек со стороны, это человек другой культуры. Он перешел всякую меру. Он собственные зубы не ценит. Они смотрели на поэта-скандалиста даже с некоторым уважением, как на безумца.

– Ты что? Ты не человек, что ли? – ужаснулся Венька. – Ты что, правда, не человек?

– Агнус Деи, старый дрозофил, какой я тебе человек? – не оборачиваясь, добродушно объяснил Мориц. – Я в армии даже до ефрейтора не дослужился. А ты, видно, сержант, не меньше.

– Я Венька-Бушлат, меня все знают! Я сильно больной, ты что, не видишь, что я больной? – злобно заныл, забормотал несовершеннолетний инвалид, пытаясь войти в давно разученную роль. – Пей портвешок, гнида! У меня, может, палочки Коха. Я, может, с психи

сбежал. – Чем больше заводился инвалид, тем злобней звучал его голос: – А ну, закажи мороженое! Мне закажи. Давай большое мороженое. Я люблю большое. Вот ты ему портвешка большой фужер заказал, – злобно ткнул кривым пальчиком инвалид уже в Сергея. – А мне закажи мороженое. – Этой просьбой инвалид сразу включил Сергея в сферу своих прямых интересов: – И денежек дай. Я люблю денежки. Это хорошо – дать мне денежек.

Инвалид подъехал так близко, что Сергей явственно почувствовал его нечистое дыхание. И явственно увидел неровные зубы в полуоткрытом провальном рту – мелкие и кривые.

Но Морицу слова инвалида понравились.

– Если тупой, выбирай подруг не тупее, – с прежним добродушием кивнул он. – Тебе точно сладкое надо есть, выпестыш, а то ты похож на червя.

И предложил:

– Может, трахнешь портвешку? Как цикутой, слюной разбавлен.

Венька вновь растерялся. А качки за соседним столиком непонимающе переглянулись.

– Всему дивишься, пока не побываешь за границей, – Мориц смотрел теперь только на инвалида. – Мы же вместе мечтали, что пыль, что ковыль, что криница… Помнишь?… Мы с тобою вместе мечтали… Пошляться по Таврии, а шляемся по заграницам… Сколько Зин пронеслось, сколько Лен… Мы рухнули с тобой, как русский рубль…

– Я ранее не судимый, – Венька со страхом посмотрел на фужер с красным портвешком, полностью растворившим его слюну.

– Химия на суахили, – добродушно продолжил Мориц. – Боты Батыя… Ставь боты в угол…

Несовершеннолетний инвалид не выдержал. Какая-то пробка перегорела в его голове. Он заорал:

– Ты чё, оглох? Чьи в лесу шишки? Сейчас татар позову!

Странным движением Мориц приподнял солнцезащитные очки.

Он приподнял их на какую-то секунду, но Сергей успел понять, что поэт-скандалист не видит инвалида. Скорее всего, он разговаривает с неким непонятно откуда доносящимся до него голосом, понял Сергей. И на шишки Морицу было круто накласть. Его безмерно расширенные зрачки занимали все пространство, отданное природой глазам. Без химии на суахили тут вряд ли обошлось. Правда, насчет татар несовершеннолетний инвалид тоже, несомненно, загнул. Кто после Ермака принимает татар всерьез?

Но Мориц оставался Морицом. Однажды у Философа он долго объяснял гостям, почему настоящая пьеса может быть занимательной и одновременно с этим не иметь никаких литературных достоинств. Это как в трамвай вхаракириться, лениво объяснял тогда Мориц. Ведь в по-настоящему интересной пьесе недостаточно представить пару привычных положений, надо еще поразить зрителя новизной и припугнуть его странностью. Звучало красиво, и убедило многих, даже одного седого поэта, чьи пьесы не первый год шли в театрах Томска. Но именно в тот Мориц, ни секунды не поколебавшись, помочился прямо в гостиной.

Карма такая.

– Давай, давай денежки, – бормотал несовершеннолетний инвалид, чуть откатываясь, будто готовясь к какому-то невиданному звезду. – Я люблю денежки. Ты Бога бойся.

– Бог это еще не все, – добродушно ответил Мориц.

Теперь Сергей точно видел, что разговаривает поэт-скандалист с кем угодно, может, даже с самим собой, только не с инвалидом.

– Кроме Бога, старый дрозофил, существует насилие.

Как бы решив подчеркнуть высказанный постулат действием, Мориц, не вставая со стула, мягким, но сильным движением ноги отправил коляску с инвалидом в самый дальний конец террасы. Олечка-официантка радостно захлопала в ладошки, но тут же испуганно

спохватилась. Только у самого края террасы перепуганный Венька-Бушлат сумел притормозить кресло. Личико у него сморщилось:

– За что?

– За родину!

– Эй, козел, – негромко позвал один из качков. – Тебе, тебе говорю, козел. Ты зачем обижаешь сирого инвалида?

– А все таково, каковым является, – непонятно ответил Мориц. Наверное, на качков ему тоже было круто накласть. Он голоса слышал, фигур для него, видимо, не существовало. – Все создано сообразно цели. Невозможно, чтобы что-то было не таким, каким должно быть.

– Слушай сюда, козел, – повторил один из качков, вставая. – Я тебя спрашиваю, зачем обижаешь сирого инвалида?

Сергей взглянул на часы.

Суворов запаздывал.

Придется махать копытами, огорченно подумал Сергей, удобнее перехватывая под собой ножку стула.

Но драки, к счастью, не случилось.

– Кто это?

Все обернулись.

– Кто это, Мориц? – негромко переспросил, поднявшись по ступенькам, невысокий бледноватый человек в светлом костюме. Интересовал его качок, угрожающе приблизившийся к столику, занимаемому Сергеем и поэтом-скандалистом.

– Чудовище – жилец вершин с ужасным взглядом… – непонятно начал Мориц, но новоприбывший, оказывается, знал продолжение:

– …схватило несшую кувшин с прелестным задом.

И повторил, внимательно рассматривая замершего качка:

– Кто это, Мориц?

– Медведь-шатен, – добродушно ответил поэт-скандалист. – Но он одумался. Он не будет в унитазе рыбу ловить. Он будет рыбные места показывать.

Суворов негромко рассмеялся.

Его узнали.

Никаких криминалов за ним не числилось, даже дурных слухов не ходило, но стояли за Суворовым большие деньги, и стояли за Суворовым очень большие люди, поэтому трогать Философа было опасно. Никому не следовало его трогать. Все, кому надо, это знали. И качки знали. Стараясь не терять достоинства, они неторопливо покинули кафе. Через минуту синяя «шестерка» газанула на повороте.

– Ты тоже иди, Мориц, – улыбнулся Суворов. – Здесь тебе не надо оставаться.

– Я хотел ему портвешка заказать.

– А это? – указал Суворов на полный фужер.

– Это тоже для Морица, – ухмыльнулся Сергей. – Только этот портвешок отравлен.

– Чем?

– Слюной инвалида.

Суворов обернулся и внимательно глянул на приткнувшегося к стойке Веньку-Бушлата, глубоко уязвленного тем, что качки его бросили.

– Поехали, старый дрозофил! – приблизился к Веньке Мориц.

Он удивительно добродушно (таков, видимо, был у него настрой) принял слова Суворова.

– Не приближайся ко мне! Ты псих!

– Это ничего, если вместе, – загадочно ответил Мориц. – Поехали, поехали, я тебе колготки подарю.

– Какие колготки?

– Колготки «Помпея». Влекущего цвета. Специально для кривых ног, – объяснил Мориц и, несмотря на Венькины протесты, выкатил инвалидное кресло из кафе.

– Мне домой надо!

– Тебя ведь на Каштак переселили с Обруба?

– Оставь меня, оставь. Ты псих! Говорю, оставь меня.

– Это ничего, если вместе, – ровно повторил Мориц. – Поехали, познакомлю тебя с Коляном. У него всякие радости есть. А не хочешь радостей, коньяк найдется. Шпалопропиточного разлива.

– Я прежде не судимый, не пью!

– Со мной будешь, – все так же ровно пообещал Мориц, выкатывая кресло с инвалидом на обочину улицы, поросшую рахитичной рыжей травой. – У тебя мировоззрение изменится. Сейчас у тебя мировоззрение урода, мы это исправим. Может, я устрою тебя в цех плавки сырков. Ты как желудочно-кишечный трактор начнешь работать. Путем земного алкоголя, путем небесных абстиненций. Мировоззрение человека формируется наличием или отсутствием питейных точек в окрестностях, ты это знаешь? У тебя в детстве в окрестностях любимые питейные точки были?

– Ты псих!

– Ты изменишь мировоззрение…

Это были последние слова, донесшиеся до Сергея, Суворова и страшно довольной Олечки-официантки.

– Куда это он покатил инвалида?

– Спустит сейчас с горы, наверное.

– На таких колясках, – засомневался Суворов, – стоят сильные тормоза.

– Зато здесь гора крутая.

Фигурант

Суворова Сергей знал много лет.

Жизнь сводила их, разводила, но Томск город небольшой, в среде профессионалов все знают друг друга. Как бы ни складывались жизненные обстоятельства, отношения Сергея и Суворова всегда оставались доверительными. Разумеется, без предварительного звонка, с бутылкой в кармане Сергей не отправился бы в гости к Суворову, но их пути достаточно часто пересекались и без бутылки – на презентациях, иногда в театре, время от времени на охоте, в сауне.

– Я не опоздал?

Сергей усмехнулся.

К странностям Суворова он привык.

В конце концов, Суворов имел право на странности.

Практически все крупные денежные потоки, вливающиеся в Томск, а так же изливающиеся из Томска, явно или неявно контролировались Суворовым. Многие важные для города и области решения принимались с его согласия, и уж в любом случае с его ведома. При этом Суворов умудрялся жить тихо, даже незаметно, как истинный философ. Влияя на течение многих важных дел, он умудрялся не встревать в конфликты.

– Мне сказали, – рассеянно улыбнулся Суворов (он уже забыл про Морица), – что ты работал с Мезенцевым?

– Было такое.

– А почему не идешь ко мне? – Суворов явно думал о чем-то своем. – Когда тебе наскучит всякая возня, неси деньги ко мне. Помогу вложить в какое-нибудь не слишком близкое предприятие. Где-нибудь за бугром, в оффшорной зоне. Механика там предельно проста: предложение – гарантии возврата – прибыль… Да нет, не думай, это не абстрактный гуманизм, это понимание ситуации, – рассеянно улыбнулся Суворов, подметив удивление Сергея. – А если даже и гуманизм, то весьма умеренный.

Странная шутка, отметил про себя Сергей, хотя предложение Суворова, несомненно, ему польстило.

Он знал цену слов Суворова.

Закончив философский факультет Саратовского университета, Алексей Дмитриевич Суворов попал по распределению в провинциальный Киселевск, где преподавал в Горном техникуме. Позже (не без помощи Сергея) он перебрался в Томск, где получил двухкомнатную квартиру в панельном доме. Так бы оно все и тянулось, но однажды жизнь Суворова круто изменилась. Небогатый, вечно нуждающийся доцент вдруг расстался с университетом. В районе Лагерного сада он купил кирпичный двухэтажный жилой дом постройки пятидесятых. Объединив две огромных квартиры второго этажа в одну, он получил, наконец, подобающее истинному философу место обитания, свил, так сказать, гнездо, о каком мечтал всю жизнь, ну, а остальное пространство дома занял просторный офис. Одновременно Суворов обзавелся несколькими иномарками, одну из которых, мощный джип «лэндкрузер», водил бывший десантник Коля Бабичев, глубоко преданный Суворову человек. К преданности его Суворов относился, впрочем, по-своему. Как-то по осени их остановили по дороге на Коларово три придурка. Обкуренные, готовые на что угодно, они хотели по быстрому срубить бабки на выпивку и на травку, но Коля Бабичев испортил всю игру. Сперва он не остановился, но один из придурков запустил в машину спортивной сумкой. Поскольку в сумке лежала пара пустых бутылок, лобовик пошел густыми трещинами. Этого Коля Бабичев не потерпел. Суворов и глазом не моргнуть, как нападавшие оказались в придорожной грязи. Поливая минералкой испачканные руки победителя, Суворов усмехнулся: «А потрепаться?»

Бабичев непонимающе уставился на шефа.

«Ну, вот, самых старых анекдотов не помнишь, – усмехнулся Суворов. – Хмурый ты человек, почему не дал людям потрепаться?»

«Перебьются».

«Вот я и говорю, хмурый ты человек. А ведь мир повидал».

«Может, потому и хмурый».

«А вот случись, что заново можно жизнь начать, кем бы ты стал?»

Бабичев хмуро прикинул:

«Ученым».

«В какой области?» – обрадовался Суворов.

«В Томской».

Вот и весь сказ.

Обстоятельства внезапного превращения вечно нуждающегося университетского доцента в крупного предпринимателя были просты, правда, об этом знали немногие. Однажды высокопоставленному московскому нефтяному чиновнику, родному дяде Суворова, срочно понадобился в Томске свой представитель. Причем именно *свой*. То есть такой, с кем работать можно предельно доверительно, и при этом не дурак, не хапуга, а соображающий, понимающий мир человек. Речь ведь шла не о чем-то, а о тех самых нефтедолларах, которые так приятно перекачивать за бугор.

Нужный человек нашелся.

Суворов Алексей Дмитриевич.

«Твое дело готовить договора, – объяснил дядя племяннику. – С этим ты справишься, образования хватит. В ближайшее время на твое имя будет зарегистрирована посредническая фирма в Голландии. Все твои движения будут постоянно находиться под контролем, так что проколоться тебе мы не дадим. Готовь документы, держи с нами постоянную связь, не стесняйся советоваться, остальная механика будет крутиться сама по себе. Сам ты поначалу много иметь не будешь, но мало тебе тоже не покажется. Скажем, процентов десять, а?… От дохода… Больше тебе точно никто не даст, – усмехнулся дядя, – поэтому я буду в тебе уверен… И жену свою поддержи. Я с ней общался, умная баба. Жаловалась, что не имеет возможности по-настоящему заниматься наукой. Ей приглашения приходят из лучших университетов мира, а она при своей умной голове дальше Москвы нигде не бывала. – Дядя укоризненно погрозил племяннику пальцем: – Не держи Веру на привязи. Пусть поездит по миру, присмотрится, что к чему. Нам нужны умные люди. Во всех областях нужны. Поездит, насмотрится, пусть собирает умных людей в Томске. Мы с тобой все ее интересные проекты поддержим, – подмигнул он, – потому что это для нас, для нашего будущего. Только пусть заблаговременно показывает списки приглашаемых гостей, возможно, мы как-то будем их дополнять».

Бывший доцент надежды высокопоставленного дяди оправдал стопроцентно.

При этом Суворов охотно помогал родному городу: поддерживал интересные проекты, финансировал разработку культурных программ, опекал творческих людей, вплоть до таких, как непризнанный поэт-скандалист Мориц. И жена Суворова, известный литературовед, получила возможность повидать мир, навела культурные мосты. В Беркли, в Стэнфорде, в Колумбийском университете, в Сорбонне Вера Павловна Суворова стала своим человеком. Дружила с Мануэлем Кастеллсом (две крупных рецензии на знаменитую работу «*The Rise of the Network Society*»), организовывала дискуссии вокруг работ антрополога Кристофера Тёрнера (каннибализм и теория трайболизма), Габриэль Гарсиа Маркес дважды присоединялся к ее поездкам по Латинской Америке, а докторскую диссертацию Веры Павловна защитила по Н. Г. Чернышевскому, знатоком творчества которого она слыла.

– Два кофе, – кивнул Сергей Олечке. И пожал руку Суворову: – Странное место ты выбрал для встречи.

– Ты ведь, кажется, не жалуешь Морица, – рассеянно заметил Суворов, пропустив слова Сергея мимо себя. – Как он оказался за твоим столиком?

– Халява, сэр.

– Почему он тебя всегда раздражает?

Сергей пожал плечами:

– Он не инвалид, мог бы заработать на дешевый портвешок.

– Зарабатывать он не умеет, – согласился Суворов.

И усмехнулся:

– «Я не знаю, о чем были эти длинные предложенья, вырвавшиеся из упавшего с минарета муллы, но как красив был крик его, и движенья, стоившие, в конечном итоге, головы!.».

– А ему платят за такое?

– Всему свое время, – уклонился от прямого ответа Суворов. – Будут платить… Куда он, кстати, потащил мальчишку?

– Он не мальчишка.

– А кто?

– Сволочонок.

– Ну, ладно, пусть сволочонок. Куда?

– Какая разница? – пожал плечами Сергей. – Не пропадут. Если ты захотел встретиться здесь, значит, не спроста. Я угадал?

– Понимаешь, какое дело…

Суворов рассеянно поморгал короткими ресничками.

Три дня назад заехал он к начальнику штаба ГАИ майору Фролову. К Евгению Романовичу, вздохнул он. Ну ты знаешь, к Романычу. Проезжал мимо штаба и вспомнил, что за день до того одному из молодых дорожных инспекторов почему-то сильно не понравился бывший десантник Коля Бабичев, вот инспектор и отнял у него права – за какую-то совершенно непонятную провинность.

Романыча, к сожалению, на месте не оказалось.

Тогда Суворов отправился в одну из фирм, занимающихся ценными бумагами. В тот день он сам сидел за рулем и белую «девятку», на которой почему-то выехал, оставил во внутреннем дворе. Когда минут через двадцать он спустился во двор, правое боковое стекло «девятки» было умело отжато.

– Чего не досчитался?

– Самой обыкновенной спортивной сумки, – сипловато объяснил Суворов. – Ну, еще магнитофон сняли.

– Что находилось в сумке?

– Немного валюты… В долларах – тысяч восемь, еще немного дойчмарок… Ну, какое-то количество экзотичной валюты. Я недавно летал в Европу, оставались гульдены, немного лир…

– Отслеживать экзотичную валюту легче, – согласился Сергей.

– Может быть… Не знаю… – рассеянно кивнул Суворов. – Дело, собственно, в обыкновенной записной книжке. Там в спортивной сумке лежала записная книжка.

– Адреса? Телефоны?

– И адреса, и телефоны, и разные записи. Кстати, абсолютно не интересные для случайного человека. Но для меня важные. Понимаешь? Иногда я заглядываю в необычные места. В заграничные библиотеки, в архивы, в хранилища документов. Короче, Сережа, – удрученно покачал он головой, – были в записной книжке нужные мне записи.

– Думаешь, воров интересовала записная книжка?

– Да что ты, Бог с тобой! Никому она не нужна. Просто оказалась в сумке.

– Подожди пару дней, может еще подбросят.

– Не два, три дня уже прошло.

– Бывает, подбрасывают и через месяц.

– Да нет, я чувствую, не подбросят, – вздохнул Суворов. – «Мы мыслим, следуя природе, говорим, следуя правилам, но действуем всегда по привычке». Разве Бэкон интересует воров?

– Это верно. Их больше интересует бекон.

– Понятно, я сразу позвонил Каляеву. Полковник мне обязан, он сразу выделил двух оперативников. Ну, они составили опись пропавшего, то да се, сам знаешь всю эту бюрократическую муру, я ко всему прочему написал еще заявление, о чем особенно жалею.

– Почему?

– Ты же знаешь нашу милицию, ничего они не найдут.

– Магнитофонов на автомобильном рынке, конечно, хоть пруд пруди, – пожал плечами Сергей, – но экзотичную валюту отследить можно.

Он внимательно посмотрел на Суворова:

– Это все?

Суворов улыбнулся:

– В общем все. Ну, пропал еще флакон дезодоранта. Лежал в бардачке. Я и вспомнил-то о нем только потому, что сам покупал этот дезодорант.

– Теперь все?

– А что, мало?

– По-моему, ты чего-то не договариваешь.

– Да как сказать, – неопределенно повел плечом Суворов. – Ну, пропала сумка и пропала, я готов был уже смириться, но понимаешь… Вчера вечером мне позвонили. По домашнему телефону позвонили. Уверенный такой мужской голос. Спрашиваю, кому обязан, а мне в ответ тщательно перечисляют украденное из машины. Вот, мол, запросто можем вывести вас на воров. Но, естественно, не за просто так, а за определенный процент…

– Ты сообщил о звонке в милицию?

– Нет, конечно.

– Почему?

– Как это почему? – удивился Суворов. – Ты что, главного не понял?

– Чего именно?

– Да главного, главного! – сипловато подчеркнул Суворов. Он всегда начинал сипеть при волнении. – Этот тип позвонил мне *домой.* Понимаешь? Он позвонил мне *домой*!

– Домой или в офис, какая разница?

– Ты мой домашний телефон знаешь?

– Конечно.

– Ошибаешься. Ты знаешь телефон моего консьержа или секретаря. А вот номер личного телефона известен немногим. И вдруг какой-то тип, знающий людей, обчистивших машину, звонит мне по телефону, номер которого не может знать по определению.

– Он тебе вроде как помощь предложил?

– За деньги.

– А ты чего хотел?

– Не знаю, – Суворов нервно поддернул полы пиджака. – Почему неизвестный мне человек звонит по телефону, номер которого не может знать?

– Раньше ты вроде не впадал в тревогу от случайных звонков.

– Я не считаю это случайным звонком, – поджал губы Суворов.

– Ну, хорошо. Продолжай. Я чем-то могу помочь?

– Кажется, да.

– Тогда не теряй время.

– Этот тип… Ну, который звонил… Он назначил мне встречу…

– Где? – удивился Сергей.

– Да здесь. Почти рядом. Ты же хорошо знаешь эти места. Возле сберкассы.

– Людный уголок, – покачал головой Сергей.

– Вот именно.

– И когда встреча?

– Через час.

– Ты прихватил с собой Бабичева?

– Нет.

– Почему?

– Да потому, что тип, звонивший мне, хорошо знает моих людей. Он так и сказал, что не подойдет, если со мной кто-то будет. Вот я и решил проконсультироваться.

– Да чего тут консультироваться, – кивнул Сергей и взглянул на часы. – Давай сделаем так. Посиди здесь полчасика. А я выведу из гаража машину и незаметно пристроюсь где-нибудь напротив сберкассы. Посмотрю, кто это решил с тобой поиграть. Может, этот тип сам и грабанул машину. А ты главное, не суетись. Подъезжай вовремя. Этому тиру деньги нужны. Если он много заломит, скажи, что тебе надо подумать. А если потребует сумму приемлемую, все равно торгуйся. Короче, потяни немного время. Я знаю, что такие приключения тебе не по вкусу, но в жизни не без этого. Вот только, – засомневался Сергей. – Ты меня извини, но я правда не понимаю, почему ты не вывел на предстоящую встречу людей полковника Каляева? Они же профессионалы.

– А вот потому и не вывел, что профессионалы, – загадочно ответил Суворов.

Через полчаса «девятка» Сергея стояла напротив сберкассы.

Не выходя из машины, он внимательно следил за снующими перед сберкассой людьми.

Удобное место…

Легко нырнуть в толпу, перебежать забитую транспортом улицу…

Впрочем, усмехнулся он, Философ бегать не будет. Поболтать с придурком вроде Морица – это Философу за милую душу, а вот махать кулаками или бегать за преступниками или от преступников, это Боже упаси! Для таких дел у Суворова есть бывший десантник Бабичев. И не он один.

А ведь не поставил Бабичева в известность.

Недоверие к милиции как-то можно объяснить, но отсутствие Бабичева…

Философ чего-то не договаривает, решил Сергей. Что-то такое находилось в сумке, о чем он не хочет говорить. Не просто валюта и не просто записная книжка, и уж, конечно, не флакон с дезодорантом. Что-то такое, из-за чего Философ сам готов встретиться с неизвестным.

На крылечке сберкассы стояло несколько человек.

Седая старуха в доисторической шляпке и с палкой, на которую она опиралась, конечно, сразу выпадала из числа подозреваемых. Поддатые работяги в потрепанных комбинезонах с сигаретами в слюнявых ртах тоже не походили на шантажистов. Полная женщина с хозяйственной сумкой в оттянутой руке тоже, наверное, ожидала не Суворова.

А вот мрачный татарин Сергея насторожил.

Несмотря на жару, татарин был в потрепанной телогрейке, в таких же штанах и в резиновых сапогах. Впрочем, такой хват, заполучив в руки богатую сумку, вряд ли станет искать ее хозяина.

Но держался татарин подозрительно.

Курил в ладошку, хмуро сплевывал.

Буркнул что-то недовольное вслед крепкому спортивному человеку в светлой футболке и в линялых джинсах, тот, неторопливо спустившись с крылечка, спросил у него время. Слов Сергей не слышал, но о чем можно спрашивать в жаркий день у недовольного татарина на крылечке сберкассы?

Потом Сергей увидел Суворова.

Суворов шел к сберкассе со стороны автозаправки, где, наверное, оставил машину. Плечами Суворов не вышел, не боец, шел неуверенно, не все ведь можно купить или получить в подарок от папы с мамой, или даже от богатого дяди. Приблизившись к крылечку, сделал было шаг по направлению к татарину (купился, видно, на телогрейку), но тотчас окликнул его спортивный тип.

Непонятно, о чем они вели разговор.

Сергей невольно подумал, что вот тут-то, наверное, и следовало вмешаться оперативникам полковника Каляева. Если спортивный тип действительно что-то такое знает про украденную сумку, его вполне можно раскрутить в отделении. «Отделение – великая вещь! Это место свидания меня и государства». Наверное, действительно было что-то в пропавшей сумке такое, о чем Суворов не захотел говорить ни с полковником Каляевым, ни с его оперативниками. Что-то такое, что Суворову хочется выкупить лично, никого не впутывая в этот процесс.

Сергей не слышал, о чем говорили Философ и неизвестный, но говорили они долго. Все это время Сергей внимательно запоминал визави Суворова. Крепок, крепок… Явно натренирован… Развернутые сильные плечи… Не похож ни на вора, ни на шантажиста… Впрочем, чем таким особенным должны отличаться от нормальных людей воры и шантажисты?…

Ага, прощаются.

Приоткрыв дверцу, Сергей собрался встретить Философа, но все начало вдруг происходить не так, как он думал. Продолжая разговаривать с неизвестным, Философ повернулся и двинулся по «зебре» к машине Сергея. А неизвестный, как это как ни странно, двинулся вслед за ним. Красивый здоровый парень, явно чувствующий себя очень уверенно.

Сергей сплюнул.

Он не понимал, что происходит.

Не должен был Философ тащить за собой шантажиста!

Тем не менее, дверцы он открыл, и заднюю, и переднюю, и вопросительно взглянул на Суворова.

– Вот, значит, такая ситуация, Сережа, – развел руками Философ. – Мне тут предложили помощь. Кажется, известно, где можно найти украденные у меня вещи.

– Не где, а у кого, – улыбнулся визави Суворова, нисколько не обеспокоенный тем, что сидит в чужой машине.

– Сколько он просит?

Философ показал палец.

– Лимон?

– Штуку.

– Штуку чего? Мануфактуры?

– Какой еще мануфактуры? – не понял Философ.

– Извини, – разозлился Сергей. – Ты и так потерял много. Будь мы уверены, что действительно вернем потерянное, тогда другой разговор? Но нас только обещают вывести на воров. Всего только обещают.

– Информация надежная, – усмехнулся неизвестный.

– Откуда нам это знать?

– Все вроде сходится, – растерянно пожал плечами Суворов. – И экзотичная валюта… И флакон дезодоранта…

– Куда как убедительно! – хмыкнул Сергей. – Если все сходится, зачем вам надо было тащиться к моей машине? И вообще, – повернулся он к неизвестному: – На кого вы собираетесь нас вывести?

– Есть в Томске одна сладкая парочка, – уверенно ответил неизвестный. – Они сейчас как бы в отпуску, но пора завершать отпуск. Один, значит, Колян, а другой Рысь по кликухе.

Колян…

Кажется, это имя уже где-то звучало…

– Такая информация нуждается в проверке, – грубовато заметил Сергей. – Сразу скажу, у нас есть такая возможность.

– Я знаю.

– Если ваша информация подтвердится, мы снова встретимся.

– Согласен, – кивнул незнакомец. И взглянул на часы. – Я знаю, что у вас есть такая возможность. И знаю, что вам хватит на это часа полтора. Значит, встречаемся через два часа на остановке «Бетонный завод».

И сухо предупредил:

– Только без этих фокусов.

– Что за черт? – выругался Сергей, раздраженно проводив взглядом широкую спину незнакомца. – Зачем ты привел его в машину?

– А что мне было делать?

– Как что? Мы же договорились. Ты должен был торговаться, тянуть время. Потом бы я его проследил. А теперь все насмарку. Вот увидишь, на новую встречу он не придет. Он понял, что мы можем ухватить его за хвост.

– Ну что за жаргон? – поморщился Суворов. – Не нужен мне его хвост. Мне нужна моя сумка.

И попросил, подумав:

– Поехали к полковнику.

– А твоя машина?

– Я пошлю за ней Бабичева.

– А зачем нам к полковнику? Ты вроде отказался от его услуг.

– Ну, как зачем? – развел руками Суворов. – Там же эти оперативники… А нам нужно проверить информацию…

Сергей кивнул.

Он еще не завтракал, а встреча с Суворовым затягивалась.

Впрочем, черный и смазливый, как цыган с лаковой картинки, лейтенант Сизов и его напарник младший лейтенант Юрьев его успокоили. Такие тянуть не будут, почему-то решил он. С Суворовым лейтенант Сизов разговаривал с подчеркнутым уважением, правда, инициатива, проявленная непослушным подопечным, страшно ему не понравилась. Так не понравилась, что записав полученные от Суворова данные на сладкую парочку, он тут же отправил напарника к компьютеру в другой кабинет, а Суворову сказал:

– Впредь все такие неподготовленные встречи категорически отменяются.

И пояснил:

– А если бы этот тип оказался обкуренным? Или под кислотой? Нынче за один широк могут пырнуть ножом.

– Я не один был.

Лейтенант скептически глянул на Сергея.

– Вот бумага, Алексей Дмитриевич, а вот ручка. Пишите.

– Что писать?

– Заявление.

– Какое еще заявление? – рассердился Суворов. – Я уже писал!

– Писали, – усмехнулся лейтенант, – но затем отказались от наших услуг. Постарайтесь подробнее описать приметы человека, с которым встречались. Полагаю, мы имеем дело с банальным шантажом. – И повернулся к вернувшемуся Юрьеву: – Что там? Есть материалы на этих молодчиков?

Юрьев молча протянул лейтенанту два снимка.

Мрачноватые личности, хмыкнул Сергей.

Анфас и профиль. Стрижены под машинку (это само собой). У одного – крупный нос, над левой бровью родинка. Второй вообще походил на быка – твердолобый, с выпуклыми глазами.

– Басалаев Николай Егорович, – пояснил лейтенант Сизов, бегло пробежав приложенную к снимкам справку. – Шестьдесят шестого года рождения. Трижды судим. Особые приметы: на правом плече наколка: надпись «Все пройдет» и шприц с обвившейся вокруг него розой. Время от времени приторговывает наркотиками. Известен в своем кругу под кликухой Колян. Прописан на улице Фрунзе, но по месту прописки не проживает. Раньше по машинам не работал, – уже от себя добавил лейтенант, – но что за жизнь без импровизаций?

– А Рысь?

– А Рысь это тоже личность. Это Дугаров Константин Иванович, если по-человечески. Тоже из местных. Коренной томич, сейчас находится в розыске. Судим за умышленное убийство, бежал с этапа. Машинами раньше тоже не занимался, но ведь, с кем поведешься. Так что, благодарите судьбу, Алексей Дмитриевич, что встречу вам назначил не Дугаров.

Лейтенант поднял глаза на Суворова:

– Знаете этих людей?

– Откуда же?

– И никогда раньше не встречали?

– Послушайте, лейтенант, – рассердился Суворов. – Через час я должен появиться на условленном месте с деньгами, а вы меня забрасываете дурацкими, простите, вопросами. Если меня действительно выведут на этих господ, что мне, собственно, делать?

– Действовать, – весело ответил лейтенант, вставая. – Вы поедете на место встречи, а мы отправимся за вами.

– Под мигалкой, под сирену?

– Ценю ваш юмор, – засмеялся лейтенант. – Но мы постараемся остаться незамеченными. Оглядываться и искать нас взглядами не надо, и еще убедительно прошу вас, Алексей Дмитриевич, с незнакомцем на этот раз встречайтесь, пожалуйста, не один, а вместе с вашим другом. Раз уж так получилось… А вы, – взглянул он на Сергея, – постарайтесь присмотреться к фигуранту. Если он занервничает, не мешайте, пусть уходит. Попытайтесь понять, подослан он кем-то или действует самостоятельно.

– А деньги? – спросил Суворов.

– Ну, деньги – это ваша проблема, – развел руками лейтенант. – Мы помогаем вам неформально, по просьбе Сергея Павловича, – (он имел в виду полковника Каляева). – Так что, с деньгами решать вам. Хотя вряд ли фигурант расколется без денег.

– А если арестовать его?

– За что? – рассмеялся лейтенант. – А может, он пошутил? А может, это ваши приятели, Алексей Дмитриевич, подбили его на шутку? Он ведь ничего предосудительного пока не совершил, даже сильно не нахулиганил. Ну, позвонил по телефону, ну, ввел серьезного человека в заблуждение, так ведь шутка всякие бывают, правда?

К автобусной остановке подрулили в самый раз.

Тормознув, Сергей открыл дверцу, собираясь выпустить Суворова, но незнакомец оказался рядом. С уверенной улыбкой он шлепнулся на заднее сиденье. Вряд ли теперь лейтенант и его напарник могли увидеть лицо.

– Поехали.

– Куда?

– Для начала прямо по улице.

Сергей несколько замялся. Позиция, занятая неизвестным, ему не понравилась. Правда, Суворов ничего не понял. Протянув самый обыкновенный вдвое сложенный конверт, он сипловато сказал:

– Здесь пятьсот долларов.

– Мы говорили о другой сумме.

– Нам она показалась преувеличенной.

– Это неправильное решение, – заметил незнакомец. Он одновременно и отталкивал, и привлекал Сергея.

– Вас такая сумма не устраивает?

– Совершенно.

– Тогда я могу тормознуть, – усмехнулся Сергей.

Незнакомец задумался.

Потом странная искра мелькнула в его глазах:

– Ладно. Согласен.

– Где нам искать указанных вами людей?

– Коляна вы запросто отыщете в центре, – деловито сообщил незнакомец, глянув в конверт и пряча его в карман. – Раза два в неделю он появляется в скверике возле бывшего драмтеатра, напротив кино Горького. Приторговывает травкой. И узнать его легко: нос как руль, и взгляд, как у волка. – Незнакомец явно не врал. – А вот адрес проживания Рыся мне неизвестен.

– А все же?

– Ищите его у подружки на улице Смирнова, – посоветовал незнакомец. – В том доме, где аптека. Он бывает там нерегулярно, но бывает. Вообще в этой квартире собирается странный народец. На первый взгляд ничего противоправного, но присмотреться стоит. Очень даже советую присмотреться. Квартирка, значит, в третьем подъезде, седьмой этаж. – Незнакомец усмехнулся: – Только вы уж поторопитесь. Случайные деньги быстро тают.

И коротко, но твердо попросил:

– Тормозните.

– Лейтенант Сизов? – позвонил с мобильника Философ. – Да, да, это я. Вы нас видели? … Ехали за нами?… Надо встретиться? Прямо сейчас?… – Лицо его удивленно вытянулось. – Опознать этого типа? Вы уже арестовали его? – И сипло заключил: – Ладно, подъедем.

– Когда они успели его арестовать? – удивился Сергей.

– Да речь не об аресте, – с некоторым разочарованием сообщил Суворов. – Просто лейтенант Сизов утверждает, что они хорошо знают нашего визави.

Дальше Сергей совсем запутался.

– Алексей Дмитриевич, ну, пять минут, не больше, – сказал в отделении лейтенант Сизов. Он явно волновался. – Даже садиться не предлагаю. Взгляните, пожалуйста, сюда. От вас требуется только один ответ: *нет* или *да*. Понимаете? Взгляните сюда. Тот это человек?

Придавленная стеклом под листом темной бумаги с прорезанным в ней квадратным окошечком, лежала на столе фотография. Больших размеров, наверное, групповая. Но в про-

резанный квадрат выглядывал только один человек. Он как бы настороженно присматривался к Суворову.

– Это он?

Лейтенант Сизов хищно облизнулся.

Сергей уже собрался кивком подтвердить *да* Суворова, но что-то помешало ему. Что-то сбивало его с толку. Каким-то непонятным образом он чувствовал в происходящем некую неправильность. Он не мог объяснить, какую, но что-то в кабинете явно происходило не так, как должно было происходить. Даже переглянулись Сизов и его напарник как-то особенно… Каким-то шестым, или седьмым, или десятым чувством Сергей остро ощутил, что вообще-то в кабинете происходит что-то неправильное… Поэтому и заявил:

– Да что ты, Алексей Дмитриевич! Не он это.

– Как не он? – удивились оперативники. – Мы ехали прямо за вами. Мы сами его видели.

– Вы не могли его разглядеть, вам солнце слепило глаза.

– Но вы-то его разглядели! – рассердился лейтенант Сизов. – Алексей Дмитриевич, он это все-таки или не он?

Ни единым движением, ни взглядом, ни движением губ Сергей не дал понять Суворову, что, собственно, происходит в кабинете, но необычность происходящего уже дошла до него. Нахмурившись, Суворов наклонился к столу и еще раз внимательно всмотрелся.

– Нет, не он… Теперь я точно вижу, что это не он… Сперва показалось, но я ошибся…

Лейтенант недоверчиво хмыкнул:

– Вы уверены?

Суворов тяжело кивнул.

– А деньги? Вы передали этому человеку деньги?

– Нет, сделка не состоялась, – предупредил ответ Суворова Сергей.

– Почему?

– Он потребовал слишком много.

Лейтенант Сизов долго смотрел на Сергея.

Это был не очень хороший взгляд. Он был полон профессионального любопытства, очень, впрочем, неприятного. Тем не менее, лейтенант кивнул:

– Ладно. Свободны.

И добавил со скрытой усмешкой:

– Думается нам, что этот человек, Алексей Дмитриевич, вас больше не потревожит.

И спросил:

– Могу я сообщить Сергею Павловичу, что вы совершенно официально отказались от нашей помощи?

Суворов растерянно кивнул.

Так же растерянно он взглянул на Сергея уже в машине:

– Ну, ничего не понимаю… Давай проедем в мой офис… Ты ведь, наверное, объяснишь мне, почему мы с тобой не опознали этого, как выражается лейтенант, фигуранта?

Дом Будды

В подъезде офиса по обе стороны широкой лестницы, украшенной резными перилами, уютно светились плоские бра. Прохладная керамическая плитка с непонятным рисунком, скорее, не с рисунком, а с застывшим набегом абстрактных зеленоватых волн, покрывала стены до потолка, а на месте второй, замурованной за ненадобностью двери, тускло отсвечивало огромное зеркало.

– Где твой консьерж?

– Я его уволил. Были причины. Полковник обещает мне надежного человека.

– Тебе нужен не милиционер.

– А кто?

– В твоем подъезде должен сидеть именно твой человек. Ну, скажем, кто-то вроде Бабичева.

– У Каляева много надежных ребят.

– Все равно я не стал бы сажать в подъезд милиционера.

– Почему?

– Потому что хорошо знаю, кто и откуда приходит сейчас в милицию.

– Но его пообещал подобрать сам Каляев.

– Знаешь, Алексей Дмитриевич, – нахмурился Сергей. – Если ты говоришь все это всерьез, то это меня злит. Раз уж ты чего-то боишься, отнесись к своим страхам серьезно, даже если они сильно преувеличены. Помнишь? «Человек не должен терпеть того, чего он боится». Ну, а если ты просто иронизируешь, то уволь. У меня много дел.

– О чем это ты?

– Если хочешь, чтобы я тебе помог, выкладывай все, что с тобой случилось. Я же чувствую, ты чего-то недоговариваешь, – покачал головой Сергей. – Баксы-шмаксы, записная книжка, дезодорант… Стал бы ты поднимать меня в субботнее утро ради такого набора… Ты, наверное, хотел сперва рассказать, там, в кафе, но потом раздумал… Такое бывает, могу понять… Хотя и в этом случае, Алексей Дмитриевич, готов напомнить: не доверяй сильно-то ребятам полковника. Они, конечно, с удовольствием подежурят в твоем подъезде: чисто, спокойно, денежно, но я на твоем месте и самому полковнику не сильно бы доверял… Понятно, он вроде как твой кореш, но почему?… Да потому, что всегда может к тебе прислониться. И прислоняется. И тянет из тебя деньги, машины, уверенность. Не для себя понятно, а для родной милиции, – усмехнулся Сергей, – но именно потому я и не стал бы доверять полковнику на сто процентов. Тебе он, не дай Бог, случись что, никогда не позволит прислониться к своему казенному плечу, украшенному полковничьими погонами. Такие, как Каляев, не любят проигрывающих. У него свои устремления, они с твоими совпадают случайно и временно. Как говорят, такова структура текущего момента. А оступись ты, полковник Каляев незамедлительно использует знание всех твоих слабых мест. Против тебя, естественно.

Они поднялись в домашний кабинет Суворова.

Три стены кабинета занимали сплошные книжные стеллажи.

Казалось бы, книжной пылью должно было пахнуть еще на лестнице, но в кабинете ничего такого не чувствовалось. За книгами тщательно ухаживали. Философ не любил прятать книги за стекло. Книга должна дышать, утверждал он, книга всегда должна находиться на виду. Когда книга стоит на открытой полке, ее присутствие особенным образом и всегда благотворно воздействует на человека. Не может человек рассказывать грязные анекдоты на фоне бесчисленных книг, не может замышлять обман и преступление… Некоторая наивность всегда была присуща Философу… Впрочем, добрая треть библиотеки принадлежал

Вере Павловне – редкие издания Чернышевского, Вольтера, русских и французских философов девятнадцатого века.

Глядя на ряды книг, многие из которых он не только не читал, но и никогда не держал в руках, Сергей по-другому, чем всегда, ощущал прошлое. Здесь, в кабинете Суворова, он очень явственно ощущал прошлое – со всеми запахами, шумами, движениями, будто перед ним крутили странный бесконечный фильм. Он вдруг как бы попадал в свою юность – в лаборатории политеха, в темные переходы между корпусами… Он видел кафедру… Его охватывало волнение… Странно, подумал он, что из того темного, суетного, не очень-то и счастливого прошлого вырвалось, в общем, не так уж мало людей. Правда, это были сложные рывки. Это только у Суворова переход случился как бы сам по себе. Это только Суворов все приобрел в *сегодня*, вплоть до смуглой горничной в белом фартучке, безмолвно появившейся в кабинете с серебряным подносом в руках.

Фарфоровый кофейник, фарфоровые чашки.

– Херши?

– Не откажусь.

Суворов потянул носом:

– Впервые горячий шоколад я попробовал в Штатах. Говоря про штат Пенсильвания, американцы прежде всего вспоминают зеленый городок Херши, а значит, шоколад. Так же как, скажем, Крафт ассоциируется у них прежде всего с сыром, а Либби с томатным супом. В правлении компании «Херши Чоколат Корпорейшн» у меня есть близкий приятель. Время от времени мы встречаемся, не обязательно в Штатах. Это он приучил меня к горячему шоколаду.

Сергей кивнул.

Суворову, конечно, везло.

Прошлое осталось далеко за ним.

Он, наверное, вспоминал о прошлом реже, чем Сергей, но он не мог о нем совсем не вспоминать. Он не мог забыть детство, проведенное не где-то там, а в маленьком Киселевске. Там не знали таких слов как *херши*. И напитков таких не знали. Там царила пронзительная грусть зимних вечеров, посвистывали маневровые тепловозы. Летом скверы тонули в облаках невесомого тополиного пуха, а каменные стены шахтерского Дома культуры содрогались от воплей и визга хорошо поддатых «Викингов», самой шумной музыкальной группы города.

А другие миры?

А других миров там не было.

В другие миры в тихом провинциальном Киселевске верили только неисправимые чудаки или конкретные придурки. Единственным напоминанием о каких-то других мирах был в Киселевске *Брод*, то есть местный *Бродвей*– короткий бульвар, отрезок улицы Ленина, по которому под вечер прошвыривалась поддатая молодежь. К сожалению, у горизонта есть одна неприятная особенность – отодвигаться. Чем быстрей к нему мчишься, чем сильней убыстряешь ход, тем быстрей он отодвигается. Вот это чувство постоянно отодвигающегося горизонта и было, наверное, самым болезненным, самым нестерпимым в те уже доисторические времена…

– Чугунок звонил, – по какой-то ассоциации вспомнил Сергей, расслабленно откидываясь в кресле. – Клянется разбогатеть.

– Он на плаву?

– Сам он считает, да.

– А ты?

– А я думаю, что нет. Он привык к бегам.

И спросил, обрывая никуда не ведущий диалог:

– Ты сам-то как собираешься действовать?

Суворов задумался.

Ему что-то мешает, понял Сергей. Он, кажется, правда хотел поделиться со мной чем-то важным, но передумал. Такое случается. Известно, что у людей, владеющих большими деньгами, проблемы вообще возникают значительно чаще.

– А тебя как понимать? – спросил Философ, пробуя херши. – Ты же видел, что на фотографии изображен тот самый человек, с которым мы разговаривали в машине. Этому человеку, кстати, я отдал пятьсот баксов. Почему ты решил не опознавать его?

– А ты не понял?

– Иначе бы не спрашивал.

– Тогда отвечаю, – усмехнулся Сергей. – Ты заметил, какими странными казенными оборотами была насыщена его речь? Он, например, так сказал – адрес проживания. Вот, дескать, адрес проживания ему неизвестен. Нормальный человек сказал бы, да бросьте, мол, не знаю, где прячется этот козел! А этот тип – адрес проживания! Кажется, он привык к специфической терминологии. Она так въелась в его язык, что он ее не замечает. К тому же он уверенно держался. Он привык к сложным ситуациям, они для него не в новинку. Сдается мне, что он просто один из тех, к кому ты обратился за помощью.

– Думаешь, он из милиции?

– А ты сам прикинь, – усмехнулся Сергей. – Каляевские оперативники положили под стекло групповую фотографию. Они так ее положили, что мы могли видеть лицо только одного человека. Значит, с самого начала они заподозрили своего коллегу. У них ведь даже групповая фотография под рукой оказалась. Может, на ней запечатлен выпуск милицейской школы, а? Может, в центре группы сидит, руки на коленях, твой хороший кореш полковник Каляев?

– Ты специально меня запугиваешь?

– Ну, зачем мне это? – нахмурился Сергей. – Запугивает тебя то-то другой. Сам подумай, откуда у человека со стороны может оказаться довольно подробная информация на каких-то там уголовников? Это же чисто профессиональная информация. Ты, конечно, можешь возразить, что подобную информацию можно получить и на улице, так я тебе тоже возражу: подробности об уголовниках все-таки принадлежат милиционерам. Это все-таки коллега наших оперов. Заметь, что до сегодняшнего утра о краже знали только оперативники полковника Каляева, да сами воры. Так ведь? Ну, еще ты, но это не в счет… Скорей всего, написанное тобой заявление попало на глаза одного из сослуживцев лейтенанта Сизова, и этот сослуживец самостоятельно вычислил Коляна и Рыся. Понимаешь? А, вычислив и поразмыслив, решил срубить легких деньжат. Для себя. Что в этом плохого? И опер поддержит свое небогатое существование, и воры получат свое. Может, даже тебе что-нибудь перепадет, – засмеялся Сергей. – Скажем, флакон с дезодорантом. Так что, запугиваю тебя не я, Алексей Дмитриевич, а кто-то другой. Надо бы тебе внимательнее присмотреться к людям полковника Каляева. Помнишь анекдот про секретаршу, которая входит в кабинет управляющего банком?

– Не помню.

– Входит она, значит, в кабинет и говорит: «Николай Михайлович, в приемной ждет мужчина. Уверяет, что вы должны ему сто тысяч баксов». – «Да? – удивляется управляющий. – Очень интересно. А как он выглядит?» – «Ох, Николай Михайлович, – отвечает секретарша, – выглядит он так, что вам лучше сразу отдать ему эти сто тысяч».

– Не смешно.

– Да я и не смеюсь.

Сергей поднялся: – Есть еще вопросы?

И опять Суворов заколебался. Было видно, что он колеблется.

И все же он промолчал.

Колян, повторял Сергей про себя, выезжая к Лагерному саду. Что за Колян?

Что-то его тревожило. Подумаешь кликуха, мало он их слышал! Но что-то вот тревожило, что-то заставляло рыться в памяти. Он точно слышал это имя, совсем недавно слышал!

Ну, конечно! – вспомнил он. *Поехали, познакомлю с Коляном… У него всякие радости есть*… Именно так обрадовал поэт-скандалист несовершеннолетнего инвалида Веньку-Бушлата. *Поехали, дескать, познакомлю с Коляном… У него всякие радости есть…*

Слова Морица стоили внимания.

И милицейская выборка теперь подтверждала: есть, есть такой Колян, отпуск у него затянулся… Трижды судим, приторговывает травкой, кажется… *Всякие радости есть…*

Это мы уже проходили, сплюнул Сергей.

Жила в Киселевске по соседству совсем дурная семья: пацан Мишка, мать шалава. Отец спился, куда-то исчез. Мишка, понятно, отбился от рук, бросил школу, жил в основном у бабки. То старые сапоги у нее упрет, то часть пенсии слямзит. Все украденное уходило на ханку. Начал Мишка рано, а чем дальше, тем больше. Сел на иглу, подхватил гепатит. А эта штука, считай, пострашней СПИДА. В двадцать лет умер от цирроза печени.

Убог был Мишкин мир, покачал головой Сергей.

Да и не мог Мишкин мир быть каким-то другим. Ведь мировоззрение его вырабатывалось даже не питейными точками, как у поэта-скандалиста (в конце концов, в питейных точках тоже можно встретить людей), а грязным становищем цыган, которое в Киселевске называли аулом, а еще мрачным деревянным домом некоего Яшки Будды, тайком поторговывающим дурью. Этот Яшка Будда (настоящую его фамилию Сергей не помнил), бывший машинист паровоза, рано ушедший на пенсию, жирный и умный, поддерживал связи с самой необыкновенной сволотой. Сам, кстати, не кололся, не глотал, не нюхал, зато все имел под рукой. Хорошо понимал, как нужно удерживать источник дохода. Ведь для чего люди живут? Правильно, для своего удовольствия. И если уж нашел теплое местечко, то держись за него. В годы яростных антиалкогольных компаний только у цыган, да у Яшки Будды можно было нажраться паленой водки.

Но у Яшки Будды все было тоньше.

Бывший машинист очень далеко глядел.

Он, можно сказать, прозревал будущее. Это цыган перестройка застала врасплох, отняв монополию на алкоголь, а, значит, лишив бешеных денег. Кто будет жрать паленое дерьмо, когда кругом много крутого? Яшка Будда первый оценил новые возможности: вон как поперли по стране таджики-беженцы, вон как оживились кавказцы! У бывшего машиниста сразу дела пошли в гору.

Да и как не пойти?

Ханка ханкой, не ханка главное.

Во взбудораженной перестройкой стране широкое распространение получили гораздо более привлекательные продукты. Скажем, фенозепам, напрочь обрубающий все внешние восприятия и обманчиво замыкающий тебя в твоем собственном, совершенно особенном, великолепном и невыносимом огненном центре мира. Крутись, вертись, сгорай от восторга! Или циклодол, напрочь изымающий тебя из этой поганой действительности. Только лови момент! Наконец, амитрипиллин, желтые таблетки которого сладостно возвращают самую счастливую улыбку на самое испитое, обтянутое кожей лицо.

В Киселевске дорога к дому Яшки Будды многим была известна.

Правда, Будде надо было платить, а у Мишкиной бабки комната давно была пустая. Сама бабка спала на тонком, как вытертая овчинка, тюфяке, и копеечную пенсию стара-

тельно от Мишки прятала. Пришлось воровать со строек казенную сантехнику, она всегда шла на ура. Потом Мишка увлекся, стал прижимать случайных прохожих к забору. У случайных прохожих в карманах случается всякое. Всех, блядь, посажу на нож, хорошему человеку Яшке Будде нужны бабки! Яшка Будда к солидной покупке даже премию выдает – бесплатный одноразовый шприц.

Дом Будды стоял рядом с домом директора местного техучилища, разделял их дворы легкий заборчик. Случалось, что обкуренные клиенты Яшки Будды заваливались по ошибке во двор директора. Директору это не нравилось. Он завел кавказца по кличке Рэмбо. Угрюмый пес добросовестно валил заблудшего клиента с ног, а директор, матерясь, выкидывал со двора бедолагу. То и дело сопливый тинейджер Кешка, малолетний сын директора, радостно вопил: «Батяня! Рэмбо опять клиента по земле катает!»

Директор не раз ходил в милицию.

В милиции откровенно смеялись: «Взять Яшку Будду? Да как? Он кот ученый! Мы у него трижды обыск устраивали и ничего не нашли. А если бы и нашли, он бы в области откупился. Понимаешь? У него деньги есть. У него большие деньги. Таких, как он, брать нужно только с поличным. Наверняка. И при надежных свидетелях».

«Вы плохо ищете! У него дурью весь дом набит! – безнадежно орал директор, понимая, что не найдет правды в милиции. – К нему даже ребятишки ходят! Сопляки! Понимаете? Он клиентов по ночам принимает!»

«Нет у нас людей для ночных засад».

Ну, нет, значит, нет.

Однажды ночью дом Яшки Будды вспыхнул.

Он вспыхнул сразу с трех сторон, чтобы, наверное, гасить было трудно.

Соседи, высыпав на улицу, жадно смотрели на огонь. Одни крестились, другие облегченно вздыхали. Отчетливо попахивало бензинчиком. Ночь выдалась теплая, безветренная. Небо в бесчисленных звезды. «Ишь, пламя стоит, как свеча, значит, не перекинется на соседей», – удовлетворенно перешептывались в толпе. А начальник местного отделения УВД, тоже оказавшийся на ночной, освещенной багровыми отсветами улице, сказал насупленному директору техучилища: «Я бы вызвал пожарных, да что-то телефон у меня не работает. Странно, вроде как нас не предупреждали о ремонте. А у тебя?»

«Да я не знаю, – никак не мог понять директор. – Когда из дому выходил, вроде работал».

«Да говорю же тебе, ни у кого сегодня не работают телефоны! – Начальник УВД даже сплюнул: – Дурак ты, хоть и директор!»

«А-а-а, телефон не работает!.. – дошло, наконец, до директора. Он даже заволновался: – А вот, не дай Бог, пожарные сами приедут. У них каланча высокая, уже проснулись, наверное».

«А тут переулок узкий… – подсказал начальник отделения. – Вон шпалы сложены под забором… Неровен час, разбросать шпалы, никто к огню не проедет…»

Яшка Будда, жирный, потный, матерясь, бегал в толпе, хватал людей за рукава, размазывал по лицу пот и слезы: «Ой, твою мать, горю! Ой, как горю! Все накопленное теперь сгорит! Где пожарники, мать их в душу? Люди, за что платим налоги?»

Люди отмалчивалась.

Ну, не работают у них телефоны!

Очень большая толпа собралась той ночью вокруг пылающего дома Яшки Будды. Только Мишки не было на пожаре. Пустив бабку по миру, Мишка и сам помер. А то, наверное, рыдал бы вместе с мордастым Яшкой да яростно рвался в огонь. Уж он-то знал, уж он-то хорошо знал, какие сокровища гибли сейчас в укромных местечках большого дома Яшки Будды. Уж Мишка не испугался бы соседских усмешек!

Только ведь всех таких Яшек не сожжешь, подумал Сергей, сворачивая на улицу Крылова к модному кафе «У Клауса». Один уходит, другой приходит. Поток жизни нескончаем.

Познакомлю с Коляном…

Странно все это.

Тревожно как-то…

– Коля, – обрадовался Сергей, увидев за столиком Игнатова. – Ты же поэт. Ты же, наверное, всех поэтов знаешь?

– Ясный хрен, – барственно кивнул Игнатов, постоянный деловой партнер Сергея.

– И Морица?

– Ясный хрен.

– Он, правда, поэт?

– Так я же говорю – ясный хрен.

– А как человек? Что он представляет собою как человек?

– Ты про Морица?

– Естественно.

– А какое отношение имеет человек к поэту?

– То есть? – удивился Сергей. – Разве между этими понятиями нет связи?

– Никакой. Ты мыслишь, как обыватель, – барственно укорил Игнатов. – Артюр Рембо торговал рабами, Шарль Бодлер и Эдгар По травили себя дурью, Оскар Уайльд и Жан Кокто обожали мальчиков. Ну, скажи, пожалуйста, помнят теперь этих извращенцев или их поэтические имена?

– Убедил.

Игнатов удовлетворенно кивнул.

Косичкой, украшавшая его голову, развязно колыхнулась.

– А где все-таки можно найти Морица? – не отставал Сергей.

– Ищи в забегаловках, в самых грязных, – барственно ответил Игнатов.

И ткнул пальцем в телефон:

– Тебе Карпицкий звонил. Из Московского Акционерного Предприятия. Хочет, чтобы ты в Москве появился. Говорит, что готов к расчетам по старым долгам. Полетишь?

– Дня через три. Может, через четыре. Не раньше.

Пятый сон Веры Павловны

Но улететь в Москву Сергею не удалось ни через три дня, ни через четыре.

Срочные дела навалились. А еще позвонил Суворов: дескать, ты все-таки оказался прав: выявили давешнего фигуранта и представлял он, как это ни странно, доблестную милицию. Впрочем, главным оказалось не это. Главным оказалось: он сам пришел.

– С повинной?

– Да нет. Он ко мне пришел. – Суворов замялся. – Ты не поверишь, он даже баксы вернул.

– Ничего не понимаю.

– Я и сам не все понимаю, но парень утверждает, что раскаялся, – сипловато рассмеялся Суворов. – Он утверждает, что душа его чиста, как у ребенка, и до сих пор, несмотря на службу в милиции, открыта всему хорошему. Мне, правда, кажется, что на парня надавили сослуживцы. Формально биография у него чистая, я интересовался у полковника Каляева. Но вот нашло затмение на человека! А раньше никаких претензий к нему не было. Держал информаторов в преступной среде, от них и узнал о краже. А когда узнал, сразу сообразил, что проще не воров ловить, а хорошенько потрясти жертву. А уж потом взять воров. Изящная комбинация, правда? Теперь парень больше всех потрясен своим падением. Сильно просил, чтобы я не сдавал его начальству. Если, сказал, сдадите начальству, в милиции мне уже не работать, а я, дескать, хороший милиционер, можете спросить в отделении. И все деньги вернул. Выложил все пятьсот баксов до последнего цента. Затмение нашло, говорит.

– А ты?

– Ну, я что? Конечно, пожурил парня. Надо было ко мне идти. Бизнес есть бизнес, дескать, поторговались бы. А так неловко получается. Я теперь рубля не дам за твою честность. А он мне в ответ: сам чувствую, что кругом не прав, только не сдавайте меня начальству. Если честно, – признался Суворов, – парень мне не понравился. Сперва, чуть не расплакался, а потом компромат начал выкладывать на местных казенных людей.

– Ты его выслушал?

– Конечно, нет.

– Почему?

– Ну, не знаю. Противно мне это, – сипло пробубнил Суворов.

И спросил:

– В сауну собираешься?

– Конечно.

– Там и договорим.

До вечера, забежав в кафе «У Клауса», Сергей успел перелистать рукопись Морица.

Плотная, чуть ли не оберточная бумага, скоропись разбитой машинки.

Ясный хрен, пояснил Коля, это только малая часть того, что написано Морицом. А сколько им на самом деле написано, никто не знает, даже он сам. Сегодня написал, завтра потерял. Морицу это без разницы. Если бы листочки со стихами Морица давали ростки, во всех злачных местах Томска давно шумели бы стихотворные рощи. *Безумный дактиль половых актов.* Как тебе нравится? Или это. *Вес Степаныча – 99.500, стоимость пива в 1999-ом.*

Сергей усмехнулся.

Оказывается, поэзия может быть конкретной.

Когда я решил ее выдать за брата, она меня выдала за 300 000 купонов. Ну, а почему нет? *Химия на суахили. Боты Батыя. Заботы Питера Боты. Пакеты для рвоты. Сны разъярённых будильников о седьмой печати. Весело кончивши, любо нам бодро начати.*

Похоже на шифровку, покачал он головой.

Но ведь это для кого-то написано, кто-то это понимает.

Химия на суахили. В жизни Сергею не раз приходилось разбираться с вещами действительно сложными, разберемся и с Морицом, подумал он. И уже встал, когда в кафе легко, как бы пританцовывая, вбежала Вера Павловна.

Выглядела она безупречно.

А ведь всего лишь несколько лет назад (многие это помнили) жена Суворова начала катастрофически дурнеть. Да и как спасти увядающую красоту? Какова жизнь жены талантливого, но рядового доцента? Лекции в университете, потом небольшой огород – мичуринский участок, как говорят в Томске. Вера Павловна боялась, что вся оставшаяся жизнь только в этом и будет заключаться. Даже Чернышевский и Вольтер не могли ее утешить. Зато, когда Суворов мановением волшебной палочки богатого дяди-нефтяника превратился в человека, зарабатывающего в год больше, чем все вместе взятые научные сотрудники университета, Вера Павловна расцвела. Лучшие массажные кабинеты и первоклассные мастера вернули свежесть сорокалетней коже. Взгляд прояснился, чудесным образом исчезли предательские морщинки. На скрытые, никогда не высказываемые вслух, но, конечно, всегда полные укоров намеки многочисленных подруг и приятельниц Вера Павловна научилась отвечать многозначительными цитатами. Она была специалистом и знала много цитат. Помните? – многозначительно спрашивала она, будто ее нынешние подруги и приятельницы действительно могли такое помнить; помните, чем занималась, проснувшись, главная героиня знаменитого романа Чернышевского «Что делать?»?

> *«Она долго плещется в воде, она любит плескаться, потом долго причесывает волосы, она любит свои волосы. Долго занимается она и одною из настоящих статей туалета – надеванием ботинок: у ней отличные ботинки. Пьет не столько чай, сколько сливки: чай только предлог для сливок, сливки это тоже ее страсть. Трудно иметь хорошие сливки в Петербурге, но Верочка отыскала действительно отличные».*

Подруги и приятельницы кисло кивали: ну как же, помнят, конечно, помнят они о маленьких слабостях Веры Павловны (героини романа). Они ведь понимали, что в жизни только так и бывает: одним – мичуринский участок на Басандайке, другим – Ницца. Природа все предусмотрела, природа охотно прячет уродство (всяких червей, спрутов, ящериц) под землю, под толщу вод, а Вера Павловна Суворова – она всегда как бы в светлой радуге, как бы в неземных отблесках. Правда, следует отдать должное: проводя немало времени в обществе давно и непоправимо раздавшихся подруг и приятельниц – профессорских жен, жен нефтяников и новых деловых людей, Вера Павловна никогда не забывала о подарках, всегда везла в Томск все, что могло понадобиться приятельницам и подругам; а еще никогда Вера Павловна не забывала каким-то неведомым образом подчеркнуть в каждой подруге и приятельнице какую-то особенную, только ей присущую благородную черту, что, в общем, примиряло их со счастьем Верки Суворовой, с этой, на их тайный взгляд, Золушкой, внезапно нашедшей все, в чем Золушки нуждаются.

– Сережа! – проникновенно, чуть придыхая, обрадовалась Вера Павловна, и не глядя опустилась на стул, предусмотрительно пододвинутый Сергеем. С очень давних пор относилась она к Сергею легко, всегда была с ним откровенна, потому что знала, что лишнего он никому никогда не сболтнет. – Закажи, пожалуйста, летний салат, рюмку баккарди с лимоном, и много холодной минералки со льдом. А кофе мы попросим позже.

Она взмахнула ресницами, будто приглашая Сергея провести с нею весь оставшийся день, и выпалила:

– Я влюбилась!

– Алексею Дмитриевичу это не понравится, – осторожно заметил Сергей.

– Я правду говорю. Я не шучу, Сережа.

– Алексей Дмитриевич обидится даже на правду, мало ли, что он философ, – рассмеялся Сергей. Он восхищался легкостью и свежестью Веры Павловны. – Алексей Дмитриевич любит тебя, но обид не избежать. А то совсем выгонит тебя из дома. Куда пойдешь?

– Сережа, – с нежным придыханием произнесла Вера Павловна. – Я, наверное, сумасшедшая. Меня действительно надо выгнать из дома. Но если бы меня сейчас выгнали, – радостно призналась она, – знаешь, куда бы я купила билет?

– Куда?

Сергей никак не мог понять, шутит Вера Павловна или нет.

Нежный аромат тонких духов кружил ему голову.

– В Дубаи, – выдохнула Вера Павловна.

– Что ты там потеряла? Там пески и верблюды.

– Нет, там фонтаны искрящейся влаги, там невероятное количество по-настоящему интересных людей, – нежно возразила Вера Павловна.

– Ну, если и так, – не поверил Сергей. – Что там случилось?

– Сразу после пресс-конференции…

– Пресс-конференции? – удивился Сергей. – Разве в Дубаи интересуются Чернышевским?

– В Дубаи интересуются всем, – добила Сергея Вера Павловна. – Там работал международный конгресс. Сразу после пресс-конференции мы с Шарлотой де Леруа, это моя подружка, француженка, ужасная ипокритка, как сказал бы покойный Николай Гаврилович, – (она имела в виду Чернышевского), – тощая, как скелет, мы заглянули с ней в кафе-шоп при отеле «Мариотт», в котором жили. Ну, знаешь, – как нечто само собой разумеющееся пояснила Вера Павловна, – из тех дорогих кафе-шопов, куда русские не ходят. Для русских там есть «Гараж», ну, еще «Цайклон». Ну, в общем, сам знаешь, – польстила она Сергею, – для русских в Дубаи существуют свои развлечения.

И призналась, покраснев:

– Не знаю, как у тебя, Сережа, а у меня это приходит сразу.

– Что именно?

– Он сидел за соседним столиком, – глаза Веры Павловны таинственно расширились. В них гуляли далекие бесстыдные зарницы. Может, арабские. – Ну, знаешь, эта благородная осанка, которую дает только истинная порода. Эти черные волосы, действительно черные, как смоль. Европейский костюм. Именно европейский, а не дурацкие арабские простыни. Он сидел один и сперва смотрел на Шарлотту, а потом стал смотреть на меня. А Шарлотта – стервоза. Она похожа на содержанку Жюли, помнишь такую? Ну, как же! – изумилась, не поверила Вера Павловна. – Это бывшая проститутка из романа «Что делать?». Та самая, что произносит знаменитую фразу: «Умри, но не давай поцелуя без любви!» Она из Руана. Это я о Шарлотте. Она законченная вольтерьянка. У нее глаза как пармские фиалки. Она тут же сказала: все таково, каковым должно быть. Она это сказала перехватив мой взгляд. Она сразу все поняла. Все создано сообразно цели, сказала ипокритка Шарлотта, значит, все создано для наилучшей цели. Я тоже люблю Вольтера, Сережа, но не настолько же! Мне сразу не понравилось, как Шарлотта произнесла эти слова. Правда, в тот момент я смотрела на своего соседа. Ну ты же представляешь, ты должен представлять эти короткие яростные взгляды, каждый в долю секунды, не больше!

– Представляю, – пробормотал Сергей.

– Ничего ты не представляешь! – рассердилась Вера Павловна.

Она отхлебнула глоток баккарди из высокого бокала, в котором глухо позвякивал лед, и улыбнулась от удовольствия.

– Не успела я оглядеть благородного господина, привлекшего мое внимание, как мальчик в наряде маленького шейха на крошечном серебряном подносе поднес мне визитную карточку. Увидев это, ипокритка рассмеялась еще стервознее. «Все в мире прекрасно, а зло – только тень на прекрасной картине», – рассмеялась ипокритка. Я же говорю тебе, вольтерьянство у Шарлотты в крови. Но я небрежно скосила глаз на визитку. «Если господин Джеймс Хаттаби, именно такое имя значилось на карточке, желает о чем-то поговорить с двумя скромными учеными дамами, пусть он пересядет за наш столик». – «Зачем тебе эта обезьяна?» – смеясь, спросила ипокритка. «А мне нравятся обезьяны», – смеясь, ответила я. – «Почему ты не пойдешь в зоопарк?» – «Да потому, что это лишено смысла: в любом мужчине хоть на четверть обезьяны всегда найдется». Вольтерьянке это понравилась. Я же говорю, она настоящая стервоза. Или, если объяснять словами Николая Гавриловича, разумная эгоистка. Короче, Сережа, благородный господин Джеймс Хаттаби оказался за нашим столиком. Естественно, сперва он рассказал о себе. Живет в Лондоне, по происхождению – иорданец. «Как иорданец по происхождению, вы, конечно, считаете, что все к лучшему в этом самом лучшем из миров?» – сразу спросила у него стервоза Шарлотта, а я как бы случайно уронила на пол визитную карточку. Он улыбнулся и не стал поднимать карточку. «Я живу в отеле „Мариотт“, – скромно сказал он. – Я много путешествую, мне приходилось многое видеть». – «Мы тоже много путешествуем и живем в отеле „Мариотт“, – заметила ипокритка. Знаешь, Сережа, в тот момент я очень хотела, чтобы у Шарлотты внезапно заболел живот или закружилась голова, ну, что-нибудь такое, но все истинные стервозы от рождения отличаются крепким здоровьем. „Иногда у бассейна я курю кальян“, – многозначительно сообщил нам господин Джеймс Хаттаби. „Еще я много размышляю“, добавил он. – „Ну, да, – так же многозначительно кивнула вольтерьянка Шарлотта, – чтобы оставаться невеждой, чужой помощи не надо. Я, конечно, – добавила она ядовито, – отращивала свой мозг только для того, чтобы не размышлять, а мир обнюхивать!“ Вольтерьянство разжижило кровь ипокритки, но это не смутило господина Хаттаби. „Я независимый человек, – со скромной улыбкой произнес он, немножко красуясь перед нами, наверное, у иорданцев это в крови. – Завтра я лечу в Иорданию, – продолжил он, глядя уже только на меня. – А потом в Мексику. Я в первый раз лечу в Мексику, – сказал он, глядя только на меня. – Говорят, что от мексиканских женщин сильно несет мускусом, по крайней мере, так утверждал в свое время Элвис Пресли“. – „Для иорданца по происхождению вы это хорошо сказали, – заметила стервоза Шарлотта, невинно взмахивая ресницами. – Но слова это слова, нужно уметь возделывать сад своими руками“. Я же говорю, что Шарлотта совершенно отравлена вольтерьянством. У нее глаза как пармские фиалки, но яду, как у змеи. Господин Джеймс Хаттаби, к счастью, смотрел только на меня. „А потом я должен лететь в Париж“, – скромно поделился он планами. Но через несколько дней он снова вернется в Дубаи, здесь ему нравится. Он снова поселится в отеле „Мариотт“, в отеле у него постоянный номер. Улыбнувшись, господин Джеймс Хаттаби вдруг спросил: „А почему вы сидите в кафе-шоп одна?“ Он обращался ко мне и ипокритка фыркнула. Только я, Сережа, уже поняла, что именно имеет в виду господин Хаттаби. Мы, русские женщины, всегда отличались пониманием. „Мой бой-френд очень много работает, – невинно пояснила я. Мне хотелось посмеяться. Я ведь тоже добрая вольтерьянка. – Мой бой-френд очень много работает. Ему необходимо работать много, иначе его дела окажутся в обломе“. – „В обломе? – удивился господин Хаттаби. он явно не понимал предложенной мною терминологии. – А чем занимается ваш бой-френд?“ – „Рубит бобы“, – все так же невинно ответила я. Господин Хаттаби задумался. Не знаю, о чем он думал, но он думал долго, – нежное округлое лицо Веры Павловны торже-

ствующе сияло, в глазах вспыхивали бесстыдные молнии. – Впрочем, он так ни до чего и не додумался. „Мы можем спуститься к бассейну“, – наконец предложил он. – „У бассейна всегда много людей“, – возразила стервоза Шарлотта, она моя близкая подруга, я ее люблю. „Тогда мы можем спуститься в дансинг, в дансинге немного людей и там хорошая музыка“. – „Моя подруга не танцует, – сказала Шарлотта. – Как все русские женщины, моя подруга косолапая. Среди ее предков есть медведи. Видите, какие на ней кривые колготки?“ – „О, Россия! – немедленно восхитился господин Хаттаби. – Водка „Горбачефф!“ Ускорение!“ И добавил: „Мы можем подняться на крышу отеля в курильню“. Намек на мнимую кривизну моих ног смутил его, но не отнял надежды. „Администратор отеля мой друг. Он позволит мне привести в курильню двух прекрасных молодых женщин. Ведь вы не арабки, значит, вам это не запрещено“. И мы, Сережа, поднялись в курильню.

– Я всегда думал, что в курильни опускаются.

– Ты путаешь азиатские и арабские курильни, – знающе поправила Вера Павловна. – Курильня в отеле «Мариотт» находится на крыше. В центре бассейн со сказочно голубой водой, а под полотняным козырьком по всему периметру крыши набросано на мягких диванах черт знает сколько всяких подушек и подушечек. Обложившись такими подушками и подушечками, арабы курят кальян. Наше вторжение вызвало неодобрительный интерес. Впрочем, арабы с большим уважением здоровались с господином Джеймсом Хаттаби. Он не преувеличивал – в отеле «Мариотт» его знали и уважали. По крайней мере, господину Хаттаби оказывали повышенное внимание: на столике перед нами на красивых медных подносах сразу появилась всякая вкусная всячина. Ипокритка Шарлотта с удовольствием набросилась на неизвестные фрукты, а я решила раскурить кальян. Я вопросительно взглянула на господина Джеймса Хаттаби, и некий изящный мальчик, очень похожий на юного Али-бабу, повинуясь его сигналу, незамедлительно принес два кальяна. Каким-то образом господин Хаттаби догадался, что Шарлотта – стервоза, а значит, курить не будет. И оказался прав. Ипокритка предпочла бы маленького Али-бабу в постель, вот и все. Под какую-то заунывную мелодию, право, не знаю, откуда она раздавалась, еще один мальчик, старавшийся не попадать в прицел фиалковых глаз ипокритки, разжег угольки и подал кальяны. «Нам, наверное, принесут километровый счет», задумчиво заметила ипокритка, оглядывая курильню. Она стервоза, но не очень богатая. Но господин Хаттаби и на этот раз не обиделся на Шарлотту. Он смотрел только на меня. Ну, ты знаешь, как смотрит настоящий араб на красивую женщину…

– Не знаю, – сказал Сергей.

– Ты сейчас сам так смотришь.

– Правда?

– Да ладно! – засмеялась Вера Павловна. – Я ведь впервые в жизни курила кальян. Почему-то он у меня хлюпал, как лягушка. А потом я поперхнулась дымом. Господин Хаттаби улыбнулся и объяснил, что в местный табак добавляют сухие яблоки и землянику. Не знаю, как это может быть. Потом у меня закружилась голова. «Может, выпьете кока-колы? – заботливо спросил господин Хаттаби. – Или все-таки спустимся в дансинг?» Он был очень заботлив. Я отчетливо видела в его глазах, как именно он хотел бы пить со мной кока-колу или танцевать. «Крези бэби», – нежно сказал он мне. «Крези лези бэби». А потом сказал, что промышленная компания, которой он управляет, собирается арендовать несколько спутников связи, и после Мексики он поедет во Французскую Гвиану. Там каторга, сказала ипокритка, моя любимая подруга, уж она-то знает свой заморский департамент. «Там военно-ракетный комплекс Куру», – мягко возразил господин Джеймс Хаттаби. Я только умно кивала. «Вы поедете со мной во Французскую Гвиану?» – спросил меня господин Джеймс Хаттаби. «Там дурной климат», – ответила за меня ипокритка. – «Тогда, может, вы найдете время погостить в моем доме в Лондоне?» – спросил господин Хаттаби. Я пожала

плечами и посмотрела на Шарлотту. «В Лондоне мы будем не скоро», – ответила стервоза, знающая расписание всех международных конгрессов и симпозиумов. «А когда вы будете в Париже или в Рио?» – этим, понятно, интересовался господин Джеймс Хаттаби. Я поглядела на Шарлотту. «И в Париже и в Рио мы будем не скоро», – ответила стервоза. Я видела, что ей приятно мое побледневшее лицо. Как истая ипокритка, она забыла, что мужчинам тоже нравится, когда женщины бледнеют в их присутствии, пусть даже виноват в этом табак, смешанный с яблоками и с земляникой. «Зато мы скоро будем в Москве, а потом в Томске, – сказала Шарлотта насмешливо. – Это в России. Там везде снег и нет ни одного иорданца, ну, разве что какой-нибудь сидит в тюрьме». – «Почему в тюрьме?» – насторожился господин Хаттаби. – «В России кто-нибудь обязательно сидит в тюрьме», – ответила ипокритка. «Но почему иорданец?» – «Для России теперь национальность это не имеет значения. Ведь Россия теперь вступила на путь демократии». Господин Хаттаби сильно загрустил: «Зачем ехать так далеко?» А потом задумался: «Может, ему купить несколько спутников в России?» Это прозвучало двусмысленно, и ипокритка обрадовалась. «Почему нет? – сказала она. – Как раз сейчас в России продается все, там сразу можно купить весь космодром». – «А кто его мне продаст? Правительство?» – «Да нет, – пояснила Шарлотта, уже знавшая Россию. – Не правительство, а ночной сторож!» Она это так сказала, что я мгновенно захотела, чтобы благородный господин Джеймс Хаттаби немедленно утопил ее в бассейне, а меня изнасиловал прямо на столике на глазах у маленького Али-бабы…

– Замечательная идея, – одобрил Сергей.

И вдруг увидел в распахнутое окно поразительную пару.

По противоположной стороне улицы по седым от пыли мягким нашлепкам расплывшегося асфальта, надвинув длинный козырек бейсболки на солнцезащитные очки, длинноволосый поэт-скандалист гордо катил германскую инвалидную коляску. Судя по вызывающим жестам, несовершеннолетний инвалид Венька-Бушлат, вальяжно развалившийся в коляске, был в дым пьян.

– Извини, Вера.

Сергей выскочил на крылечко.

Поэт-скандалист оставался последней его прицепкой: через Морица он мог выйти на Коляна, если, конечно, не ошибался в своих предположениях.

– Свет! Свет! – донеслось до него.

– А тебе какой нравится? – блаженно орал Мориц, врезаясь с коляской в безумный поток автомобилей, прущих сквозь зной и жгучие бензиновые пары.

– Белый, белый свет нравится!

– Карлик мысли! – заявил Мориц, тормозя коляску перед Сергеем. – Ты думаешь, он дерьмо? Совсем не дерьмо, просто он опустился. Его многое волнует. Мини-юбки, трусы на выпуск, товарищеский суд. Смотри, как многому научился Венька, – похвастался Мориц, с особенным значением поглядывая на Сергея. – Он теперь осмысленно смотрит на мир. Он даже декламирует. Он научился декламировать с чувством и очень громко. Скоро мы поедем с ним к мэру. Как думаешь, мэр нас примет?

– Наверное, – сдержанно кивнул Сергей. – Вас проще принять.

И спросил:

– Ты знаешь, что Веньке нельзя пить?

– А он не пьет. Он вкушает воду свободы.

– «Эти милые окровавленные рожи на фотографиях!» – вполне бессмысленно подтвердил Венька.

– Что за бред?

– У Веньки большая память. У него память, как у компьютера. Прокрустовы лыжи, – выпятил губы Мориц. – Никто не имеет такой гибкой памяти. Что слышит, то и помнит. Я от него торчу.

– «Один раз – не пидарас», – бессмысленно, но с большим чувством подтвердил инвалид.

– Мориц, знаешь, как это называется?

– Уксусная козлота.

– Нет, хуже. Полистай уголовный кодекс.

Веньке-Бушлату упоминание об уголовном кодексе ужасно не понравилось. «Один раз – не пидарас!» – злобно окрысился он.

– Он у тебя дуба даст.

Теперь окрысился Мориц:

– Не нравится мне этот светофор. Не существует белого света.

– А рубль? – память у Веньки действительно оказалась феноменальной.

Мориц, не глядя, протянул длинную руку:

– Гони рубль, рыжий дрозофил!

– А Коляна знаешь?

– Не все хорошо, что водка.

– Коляна, по фамилии Басалаев, – подтвердил Сергей. Ему казалось, что Мориц не ответит, но он давил свое: – Где можно найти этого Коляна?

– В скверике напротив нижнего гастронома.

– Как он выглядит?

– А увидишь.

Очень трезво и точно выхватив полтинник, Мориц снова покатил коляску с инвалидом наперерез автомобильному потоку.

– Красный! Красный! – орал инвалид.

– Нет белого, – утешал инвалида Мориц. – Кончился.

Сергей вернулся в кафе.

Никогда на его глазах люди не менялись так быстро.

На мгновение ему показалось, что даже гладкий лоб Веры Павловны, покрытый нежным загаром, густо посекли тончайшие морщинки. К счастью, это только показалось. Просто Вера Павловна побледнела. Он никогда не видел такой ужасной бледности.

– Тебе плохо?

– Кто этот человек?

– Как кто? – удивился Сергей. – Это Мориц. Поэт-скандалист. Ты должна его знать. Он бывает в твоем доме.

– Не у меня.

– Да что он тебе?

– Я видела его во сне! – даже голос Веры Павловны изменился. – Обычно я забываю сны и редко их вспоминаю, но этот вспомнила сразу.

– Ну, вспомнила, и что? – Сергей засмеялся: – Вера Павловна из романа Чернышевского видела, кажется, четыре сна!

– Не шути. Во сне я видела этого ужасного человека.

Сергей улыбнулся, но Вера Павловна не притворялась, ей действительно было плохо.

– Это был странный сон, Сережа, – торопливо сказала она. – Какой-то нехороший, многозначительный сон. Мне снился огромный дворец. Белый, но мрачный. Такие белые, правда, не мрачные дворцы я видела в Дубаи. – Воспоминание о Дубаи, кажется, придало ей

сил: – Во дворце шел банкет, а может, просто собрались разные люди. Я никогда не видела сразу так много самых разных людей.

– Что же плохого в таком сне?

– *Ты будешь спать, но я тебя не трону, любовь моя к Отечеству заразна.*

– Похоже на стихи Морица.

– Это и были его стихи, он сам их прочел, – испуганно выдохнула Вера Павловна. – Там, во сне, этот ужасный человек, с которым ты сейчас разговаривал на улице, вспрыгнул на стол. До этого я не видела его среди веселящихся, но вдруг он откуда-то выскочил и вспрыгнул на стол. Совсем как обезьяна. И руки у него были длинные, ниже колен. Он ужасно кривлялся, Сережа, он непристойно тряс плечами и головой. А потом в его руках оказалась серебряная чаша с полведра объемом.

– Это он может.

– Он держал чашу двумя руками. Он кривлялся, как обезьяна. *Ты будешь спать, но я тебя не трону, любовь моя к Отечеству заразна.* Что за жуткие слова? Что они могут означать?

– А ты спроси у Морица, – улыбнулся Сергей. – Он же бывает в твоем доме.

Вера Павловна затрясла головой:

– Если и бывает, то у Алеши. На моей половине он не появляется. И не может появиться. Я запретила это. Мне кажется, он вносит в мир много дикости. Я его боюсь.

– Да почему? Он просто алкаш.

– Просто алкашей не бывает, – проникновенно сказала Вера Павловна. – Алкаши, они как судьба.

И вдруг спросила:

– Что он у тебя просил?

– Денег на выпивку.

– Ты дал?

– Конечно.

– Сколько?

– Полтинник.

– Это пятьдесят рублей? Зачем ему столько? – обречено спросила Вера Павловна. – Зачем он вообще появился? Не появись он, я бы не вспомнила этот ужасный сон.

– Да что ужасного в твоем сне?

– Не знаю… В красивых дворцах не должно быть уродов… – Она подняла на Сергея огромные серые глаза: – Неужели такие люди, как Мориц, будут существовать и в далеком будущем?…

– Конечно, – улыбнулся Сергей.

– Почему ты в этом уверен?

– Придурков хватает во все времена, успокойся, – мягко сказал Сергей.

И подумал: истеричка.

И подумал: не каждый умеет справляться с удачей. Вера Павловна, похоже, начинает путать свои фантазии и действительность. Она много путешествует, у нее в голове все смешалось.

– Успокойся, – мягко повторил он.

Но Вера Павловна торопливо вскочила:

– Да, да!.. Мне пора… Я успокоилась… Просто ты меня заболтал!

И нервно провела рукой по смуглому лбу:

– Заезжай к нам.

Через минуту серебристый «мерседес» прошуршал под распахнутыми окнами.

– Вот стерва, – ласково сказала Ирина, хозяйка кафе, подходя к столику и осторожно принюхиваясь к нежному запаху духов, все еще витающих в воздухе. – Почему она никогда не платит?

– Такие женщины никогда не платят.

Допивая кофе, Сергей действительно никак не мог понять, что, собственно, испугало Веру Павловну.

Ну, нелепый сон, ну, мало ли нам снится нелепых снов?

И с Морицом Вера Павловна что-то напутала…

Он смотрел в распахнутое окно и ему в голову не могло придти, что через несколько дней, пуля, выпущенная из пистолета Макарова, ударит Веру Павловну в правую половину ее прекрасного, покрытого нежным загаром лба, и пробив череп, выйдет чуть ниже левого виска, густо забрызгав кровью и серым мозговым веществом разбитое лобовое стекло серебристого «мерседеса».

Предупреждение

Поездка в Москву получилась скомканная.

Сергей действительно получил старый долг в Московском Акционерном Предприятии и выдал причитающуюся долю Валентину Якушеву, с которым искал когда-то противогазы в Эстонии. Выдал, конечно, наличкой (не пугать же эфэсбэшнику налоговую инспекцию столь неожиданной суммой), ну, и все такое прочее. Но висела все время над Сергеем какая-то неправильная аура и, не желая того, он постоянно торопился. А история с Бычками (давние приятели – отец и сын) совсем выбила его из колеи. Еще в аэропорту Валентин выложил, что Бычков здорово обидели. Дали они деньги неким торговцам нефтью – под проценты, понятно, а теперь ни денег, ни процентов. Эти нефтяные торговцы утверждают, что денег нет. Дескать, они всего лишь посредники и что дела идут у них плохо. «Но они врут, – усмехнулся Валентин. – Я организовал проверку по своим каналам, врут. И деньги у них есть, и клиентура надежная. Просто торговцам выгодно крутить чужие деньги. – И покосился на Сергея. – Широкая у них клиентура. Даже иностранцы есть. Даже томичи есть».

«Не путаешь?»

«Путать мне о службе не положено, – усмехнулся Валентин. – Есть у вас в Томске некий Мезенцев? Ну вот, с ним у фирмы, обидевшей Бычка, связан крупный заказ, кстати, уже проплаченный банком. В разговорах с Бычками нефтяные торговцы в основном на этого Мезенцева и ссылаются: вот, дескать, как только пойдет нефть через Томск, так сразу все получите. А пока нет ничего, пока, дескать, зависли кредиты».

«Ну, если дела зависят от Мезенцева, – протянул Сергей, – то считай, хана Бычкам, считай, припухли Бычки».

«Это почему?»

«Да потому что нет Мезенцева, исчез Мезенцев».

«Как это исчез?»

«Ну, а как по-твоему исчезают люди? – удивился Сергей. – Да как обычно. Вышел утром из дому, сел в машину, и все, с концом. Исчез в неизвестном направлении».

«Когда это случилось?»

«Да уже полмесяца назад».

«Не такой уж срок – полмесяца, – осторожно заметил Валентин. – Может, отсиживается где-нибудь?»

«Не та хватка, не тот характер…»

Но вдруг всплыла в памяти Сергея сауна, в которой он грелся перед отъездом.

Собирались в сауне люди, хорошо знавшие друг друга: главный гаишник города Романыч, полковник Каляев (милиция), известные предприниматели. Иногда появлялся Суворов. А на этот раз он даже гостей привел – нефтяников из Тюмени. Понятно, грелись, пускали пот, возились в бассейне. Затем Каляев – человек костлявый и тощий, но чрезвычайно энергичный, собрал всех в чайной комнате. Был у него какой-то незаметный юбилей, кажется, десятилетие со дня получения первой медали – праздник чисто банный.

За самоваром гости Суворова – ребята спортивные, молодые, только что густо пустившие пот в парилке, сидели молча. Их и не трогали, новички, пусть привыкают. Суворов представил их как Олега и Виктора, большей информации здесь не требовалось. «Значит, пришел мужик к любовнице, – гудел толстогубый Романыч. – И только занялись сладким делом, звонок в дверь. „Муж, муж! – перепугалась жена. – Прыгай в окно!“ – „Да ты что? – засуетился любовник. – Тут тринадцатый этаж!“ – „А ты суеверный?“

Младший Терентьев, крупный владелец недвижимости, встряхнул темными кудрями: «Романыч, вчера у меня водилу опять обобрали на дороге. Твои люди когда-нибудь поймут, что рано или поздно им все это выйдет боком?»

Закинув рюмашку, Романыч с интересом уставился на Терентьева, видимо, собирался достойно ответить, но полковник Каляев энергично вскинул перед собой руки. Он всегда был полон необыкновенной энергии, даже по чайной комнате он двигался резко. Казалось, раздайся свисток и полковник, как застоявшийся футболист, сразу бросится в самый жар сауны, или в ледяной бассейн, вообще затеет кутерьму и шум. Где-то в России, под Москвой, полковник в свое время неправильно понял свисток сверху и слишком активно бросился совсем не туда, куда следовало. Вот его и сплавили в сибирский регион, пусть пугает чиновников.

Он и пугал.

Он, надо сказать, и Суворова при первой встрече попытался взять на испуг.

«Философ? – будто бы не понял он. – По образованию философ? Да ну, какие в наши дни философы? Всех этих философов давно расстреляли или выслали из страны. Это факт. И на меня так не смотри, – энергично предупредил он Суворова. – У меня свои университеты, нынешних философов не люблю. На них взглянешь и сразу видно, что все из интеллигентов. А Владимир Ильич правильно определил интеллигенцию: говно! Он так и говорил: интеллигенты – говно нации. Такую страну просрали! – разволновался полковник. – Вместо того, чтобы вмазать крутой анекдот, хлопнуть кулаком, где надо, вообще послать кого подальше, все эти интеллигенты только разводят кудрявые рассуждения. Их всех с потрохами в девяносто первом году купили за небольшую валюту американцы. Сто долларов за интервью, вот они и заливают! Правда, фамилия у тебя боевая, – нашел нужным смягчить тон полковник. – С фамилией тебе повезло. – И совсем как бы смягчился: – Сам подумай, какие нынче философы? Водку жрать? Я тебе так скажу. Если ты правда философ, если ты правда тяготеешь к социальной справедливости, если тебе не по душе разгул криминала, то поставь нашему управлению несколько машин с форсированными движками. Как милицию ругать, так все могут, а как помочь…»

Машины Философ поставил.

После этого полковник перестал пропускать банные дни, но от обличительных речей не отказался. Сейчас, например, смирив младшего Тереньева, он уставился на стеснительных гостей Суворова. Кого это там привел олигарх? Масоны, наверное. Ишь, пальчиками делают загадочно. Понятно, по уши набиты деньгой. Даже странно, что они не требуют всякого разврата, а напротив опускают невинные глазки, даже отводят их в сторону, будто все, что происходит в этой сауне, да что там в сауне! – в городе, в стране, на континенте, во всем мире, – все это давно им известно, будто знают они что-то особенное, владеют каким-то особенным знанием…

Впрочем, по первой уже выпили.

Водочка и коньяк разогнали кровь, мир сразу расцвел, распустив павлиний хвост веселого настроения.

«Ты, полковник, не сильно-то командуй, – ухмыльнулся младший Тереньев. – Здесь не Управление МВД. – И очень похоже и очень смешно передразнил: – „Отставить!“ А почему это отставить? Ты у себя на службе командуй, может, толк будет».

«Какой еще толк?»

«А вот скажи, чего это Мезенцева никак не найдут? Весь город только о нем ведь и говорит. Это что же такое получается? Это слабец у тебя получается, полковник?»

«Почему слабец?»

«А ты объясни, куда пропал живой человек, – посоветовал младший Тереньтев. – Мезенцев, чего таить греха, святым не был, меня не раз доставал, может, его за совсем нехо-

рошее дело пырнули и спрятали, но ведь это твое прямое дело со всем этим разобраться. Речь-то о живом человеке. Все под Богом ходим. Сегодня он, завтра мы… Или этот еще… Ну, как его? – пошевелил он пальцами. – Отец Даун. Уж очень много о нем говорят. А кто он такой? Может, расскажешь? – младший Терентьев торжествующе обвел компанию выпуклыми глазами. – И почему это в маленьком Томске появился еще один бандит?»

«Бабьих разговоров наслушался, – энергично отмахнулся Каляев. – Не существует отца Дауна, существует кликуха. Для болтунов и сплетниц. А Мезенцев, он и прежде исчезал. На неделю, на две. У него одних дач штук пять. Может и сейчас на какой гуляет со шлюхами!»

«Если со шлюхами, то почему жена слезы льет?»

«А потому и льет, что со шлюхами!» – находчиво заявил полковник.

Сергей незаметно поглядывал на нефтяников. Действительно молчаливых ребят привел Суворов. Пить почти не пили, ну, так, пригубят рюмочку. Когда надо кивнуть – кивнут, в нужном месте улыбнутся. Впрочем, что им слухи о каком-то там отце Дауне или даже о каком-то пропавшем Мезенцеве? При их-то доходах…

«Вообще, – энергично заметил полковник (было видно, что слова Терентьева его зацепили), – пора начинать заново отборочную работу. По прессе, скажем. Придушить малость прессу, чтобы не разносила глупости по всему миру. Нет на нее крепкой руки, – обозлился он. – „Отец Даун! Отец Даун!“ А кто видел этого отца Дауна? – он даже покачал головой. – Вот сколько лет выращивали нового человека, а все насмарку».

«Ты это о чем?» – заинтересовался Романыч.

«Это я о воспитании, это я об отборе, о селекции. Мы, как Мичурин, должны действовать: все плохое убрать, все хорошее усиливать. У Мезенцева, кстати, нечего было усиливать…»

«Это что ж за селекция такая?» – удивился Суворов, странно глянув на своих гостей, потом на полковника.

«Были, были у нас силы, – отмахнулся Каляев. – Были, были у нас возможности. Воспитывали патриотов, романтиков. Просуществуй держава еще десяток лет, запросто построили бы совсем нового человека. Все к тому шло. Твердо сейчас встал бы на ноги новый человек, распростер бы величественно крыла над миром. Такой человек, что и под танк бросится, и спасет невинного ребенка, и вора поймает, и вместо бабы войдет в горящую избу, и отечественную идею отстоит перед заезжим хлыщом…»

«…и на соседа настучит», – подмигнул младший Терентьев.

«И это тоже, – энергично заметил полковник. – Почему нет, если державе на пользу? Правду я говорю, Алексей Дмитрич?»

«Если ты о гомососе, то правду».

«О каком еще гомососе? – удивился Каляев. – Ты что такое несешь? Я о патриоте, о романтике».

«Ну как, о каком? – засмеялся Суворов и все невольно повернулись к нему. – О нормальном гомососе. О новом виде человека. Ты ведь именно новый вид человека имел в виду?»

«Да погоди, погоди, Алексей Дмитрич, не гони картину, – попытался разобраться полковник. – Вот взяли моду, чуть что, сразу ругаться. Какой еще гомосос? Мы-то семьдесят с лишним лет растили здорового человека».

«А гомосос вовсе не ругательство, – отсмеявшись, объяснил Суворов. – Это всего лишь термин, предложенный философом Зиновьевым».

«Это которого Ежов сажал?»

«Нет, совсем не тот. Этот покруче. *«Мы в будущее пролагаем миру путь, не остановит никакая нас препона. Но вы не знаете, какая это жуть – частицей быть слепого Гегемона.* Этот Зиновьев вовремя уехал на запад. Гомосос в его представлении – это гражданин страны, в которой построено полное счастье. А держится полное счастье, понятно, на

жесткой дисциплине, тебе бы понравилось, Сергей Павлович. Музыканты живут в казармах, играют только веселые марши, поэты и философы из страны изгнаны. Ну и все такое прочее. Известно ведь, – усмехнулся Суворов, что *выпрясть пфунт шерсти полезнее, нежели написать том стихофф*. А солдатам, например, каждый день выдают жареную говядину и молодое вино, чтобы у них лишние мысли не заводились».

«Погоди, погоди, ты о сектантах, что ли?»

Суворов покачал головой.

«Нет, ты погоди, – энергично заявил полковник (в душе он все-таки недолюбливал Суворова). – Ты и меня, наверное, держишь в гомососах, а? Вот, дескать, сидит за столом простой милиционер-гомосос. А меня этим не унизишь, Алексей Дмитрич, – поднял Каляев костлявый палец. – Я ведь тоже иксы учил, окончил, между прочим, высшую школу милиции. А страну развалили вот эти твои Зиновьевы. Человек – общественное животное, так нас учили классики марксизма-ленинизма. Как всякое общественное животное, человек любит трудиться и получать глубокое удовлетворение, имея право на отдых. Так что, нам с тобой, простым общественным животным, не надо всех этих сложных теорий, нам надо почаще напоминать о корнях, да гайки завертывать, – полковник смотрел теперь только на Суворова. – В этом у нас есть опыт. Конкретный, невыдуманный опыт. Свой, не вывезенный с запада. Заверни гайки покруче, вот и не будет сочиться дерьмо! Это же как в канализации! – стукнул он кулаком по столу. – Вот Романыч, например, в свое время на каждом партийном собрании предлагал выбрать в почетный президиум все политбюро во главе с Леонидом Ильичем, и был прав, сильно прав, потому что это может и смешно, но сближало людей. А теперь? Какие к черту Зиновьевы? Мы что, не избавились от них в тридцатых? Здоровые общественные животные, – обернулся полковник к Суворову, – нуждаются в плановых поощрениях и в жестком контроле. Ничего больше. Все эти новые идеи придумываются на Западе. Хорошо бы, дескать, проверить их на практике, отработать на каком-нибудь народе, который не жаль. Например, на русском…»

Вот все это всплыло в голове, когда Валентин заговорил о Мезенцеве.

«Или Суворов, – добавил Валентин. – Есть в Томске человек с такой фамилией? Этот-то, надеюсь, никуда не исчез?»

«А при чем здесь Суворов?»

«Да при том, что среди клиентов фирмы, обидевшей Бычков, числится и такой томский большой руль. – Валентин одобрительно ухмыльнулся. – Больно уж фамилия у него красивая».

«А у него и прозвище не хуже».

«Философ?»

«Ты вижу, все уже раскопал», – рассмеялся Сергей.

И предупредил:

«Только имей в виду, что с Суворовым я дружу много лет. Это не Мезенцев, подход к жизни у него другой. Может, кстати, и так получиться, что в ближайшее время мы станем его партнерами».

«Это в каком смысле?»

«А в самом прямом. Он предлагает эти деньги внести в его дело».

«А на что он их пустит?»

«Тебе не все равно?»

«Мне? Нет, конечно».

«Почему?»

«А ты не понимаешь? – нехорошо покосился Валентин. – Вдруг он торгует оружием? Вдруг он финансирует проституцию, дурь? Не забывай, я человек в погонах. Меня в Конторе восстановили не за красивые глаза. Я родине эшелон с бензином вернул».

«Да погоди ты, – рассердился Сергей. – Я Суворова знаю чуть ли не с детских лет».

«Ну, мало ли, – буркнул Валентин. – Все знают друзей чуть ли не с детских лет. Поговорим лучше о Бычках. Проблем тут вроде нет, дело простое, в пару часов уложимся».

В пару часов они, конечно, не уложились, а вот сорваться Сергей готов был не раз. Помочь старому приятелю, это нет вопросов, это понятно. Но не сразу же, не с бухты-барахты, черт побери! А получилось так, что Сергей уже на другой день попал в потрепанную, не раз битую «тойоту». Оказались в машине еще Семен – приятель Бычков, мрачноватый лейтенант с корками МВД, и веселый налоговик Коля. «Можно, конечно, обойтись и меньшим народом, – объяснил Валентин, – но четверо – солиднее. Четверо создают особую атмосферу, нервируют клиента и все такое прочее». А вел «тойоту» парень лет двадцати – подвижный, нервный, но старательно помалкивающий. Заплатили ему вперед, вот он и помалкивал старательно. Что же касается информации по делу, то Валентин выдал ее только перед самым выездом: кто принимал деньги у Бычков? какую сумму? под какие гарантии? с кем придется иметь дело? Тогда же выяснилось, что Игоря Бабецкого, начальника службы безопасности обидевшей Бычков фирмы, Валентин знает не впрямую, а по рабочему досье. Фирма, обидевшая Бычков, в карьере этого Бабецкого уже третья за два года. «Так что, сильно с ним не валандайтесь, – заметил Валентин. – Фамилия, конечно, лихая, но жизнь уже учила Бабецкого. Должен он догадываться, чьи в лесу шишки. Да и разговаривать придется не с ним, а с управляющим, – добавил Валентин. – Этого сбить с толку нетрудно: господин Арефьев трус по жизни. К тому же, зрение у него неважное: при такой близорукости с собственной женой по сто раз на дню здороваются. А у главбухши, у некоей Елены Ивановны Сиверской, тоже есть особенность – баба она пуганая, а значит, осторожная. Воздействовать на нее надо легко, с юмором, – объяснил Валентин, – бережно надо на нее воздействовать. Так, чтобы только на самом дне ваших красивых глаз она улавливала грозную тень беспощадности. Всего лишь тень, понимаете?»

Ухмылялся Валентин напрасно.

На набережной Москвы-реки машину остановил гаишник.

Изучив предъявленную водилой доверенность, усмехнулся: «Давай права!» – «Дома забыл», – похлопал по карманам водила. Неизвестно, чем бы вся эта тягостная история закончилась, если бы Валентин вовремя не выудил из кармана служебное удостоверение. «Что за черт? – удивился Сергей, когда гаишник остался позади. – Ты ездишь по Москве без прав?» – «А на кой они? – отмахнулся водила. – Купил доверенность и езжу. – И засмеялся: – Подумаешь, Москва! Я бы и в Париже так ездил».

На стук в нужную дверь офиса откликнулся низкий мужской голос.

Рыхловатый, с отдувающимися щечками, уже начинающий полнеть, а заодно и лысеть молодой мужчина в темном костюме, в галстуке, повязанном неаккуратно, приподняв над переносьем очки в металлической оправе, оторвался от цветных диаграмм и близоруко воззрился на нежданных гостей. Охрана, понятно, уже сообщила ему о гостях, однако управляющий вел себя неуверенно. Его здорово смутил набор предъявленных документов – от сотрудника экономического отдела ФСБ до сотрудника налоговой полиции.

«Чем обязан? – господин Арефьева откровенно косился в сторону двери, но почему-то никто пока на помощь к нему не спешил. – Что вам угодно?»

«Для начала паспорт, пожалуйста».

Господин Арефьев еще держался, но по дрогнувшей его руке Сергей понял, что при умелом подходе довести управляющего до нужной кондиции действительно не составит

труда. Неизвестно, какие грехи его пугали, но были, были за ним грехи, иначе бы он не паниковал. Не успокоился он, кстати, и при появлении усатого детины в пятнистом камуфляже, который почему-то любят называть омоновкой. «Бабецкий, – даже укорил он детину в омоновке. – Сколько тебя ждать?». Он явно подавал какой-то заранее условленный между ними знак и Бабецкий сразу дал знать, что понимает его: «А господин Герш? Он подъедет минут через десять».

«Ну, так займите его. Ася когда вернется?» – наверное, управляющий имел в виду отсутствующую секретаршу.

«А вы документы у посетителей проверили?»

Налоговик Коля тут же извлек из кармана удостоверение. «Видите, как удачно получается, – сказал он весело. – Вы господин Бабецкий? Я вас искал?»

«Меня?» – опешил Бабецкий.

«Вас, вас! Именно вас! – успокоил Бабецкого налоговик. – Есть у меня несколько интересных вопросов, – и повлек Бабецкого к двери. – Давайте выйдем, не будем мешать коллегам».

Осознав, что помощи ждать больше не от кого, и что бороться придется в одиночку, господин Арефьев тяжело опустился в кресло. Несколько раз он снял и протер очки. И тогда, умело завершив затянувшееся молчание, Сергей добил управляющего:

«Чем занимается ваша фирма? Купля-продажа? Посредничество? Мы правильно информированы?»

«Ну, в некотором смысле, – нервно согласился Арефьев. – Больше посредничество. Можно сказать и так».

«Предъявите банковские и учредительные документы».

«Но они у главбуха».

«Попросите принести».

«Елена Ивановна, – дрогнувшим голосом сказал в телефонную трубку управляющий. – Поднимитесь ко мне. Прихватите банковские и учредительные документы».

Наступила тишина.

Только минут через пять в кабинете появилась невысокая женщина, завитая, загорелая, с настырными глазами, – не сильно-то она казалась пуганой и осторожной, и с юмором у нее все было в порядке. Да и чего ей бояться, понял Сергей, открыв поданную ему папочку. Все эти бумажки – чистый облом. Кому нужны банальные платежки? А по учредительным документам вообще выходило, что фирма господина Арефьева зарегистрирована не более, чем полгода назад.

Листая бумажки, злясь на Валентина, Сергей чувствовал, что спасти положение можно только неожиданным вопросом.

Он лихорадочно искал этот вопрос.

Выписывая в блокнот фамилии учредителей, оставаясь внешне спокойным, он лихорадочно искал вопрос. Ежу понятно, что в папочке лежат документы, за которые никак не зацепишься. Лучше всех это понимала главбухша, потому что поглядывала на гостей все более настырно, даже высокомерно.

Но нужный вопрос Сергей нашел.

«Перечислите, пожалуйста, с кем из граждан других государств вы поддерживаете деловые контакты?» – спросил он.

«По поводу намечающихся поставок?»

«Вот именно».

«Но это же целый список!»

«Вот и покажите его нам весь».

«Зачем?» – насторожилась главбухша.

«А вы разве не понимаете, что такое национальная безопасность?»

Этого Елена Ивановна не выдержала и повернулась к управляющему.

Глядя куда-то в пространство, он сунул руку в стол и вытащил несколько распечатанных на принтере листков.

«Джеймс Саттерс Шипман, Великобритания… Рудольф Свиммерс, Германия… Лео Шаули, Венгрия… – Сергей специально произносил фамилии вслух и негромко. При этом он делал короткие паузы и многозначительно поглядывал на Валентина, мгновенно поймавшего игру. – Иштван Хедери, Венгрия… Донат Кадари, Венгрия… Похоже, с венграми у вас особенные отношения?… Золтан Валенштейн, Великобритания… Джеймс Хаттаби…»

Что за черт?

Сергей почувствовал легкий укол.

Он хорошо помнил недавний разговор с Верой Павловной Суворовой в кафе «У Клауса» и имя Джеймса Хаттаби сразу всплыло в памяти. Хитрый иорданец, похоже, не совсем раскрылся перед исследовательницей Чернышевского: он рассказал ей о скупаемых искусственных спутниках Земли, но ни словом не обмолвился о своих нефтяных интересах.

«Джеймс Хаттаби, Иордания… – медленно повторил Сергей и поднял глаза на управляющего. – Вы хорошо знаете господина Хаттаби?»

«Что значит хорошо? Я с ним работаю».

«Давно?»

«Примерно полгода», – управляющий явно врал.

«Хотите сказать, что за эти полгода между вами и господином Хаттаби уже установились особенно доверительные отношения?»

Господин Арефьев вновь растерялся. Он чувствовал, что ему готовят ловушку, но никак не мог понять, какую. «При чем тут доверительные отношения? – нервно заявил он. – Речь идет просто о доверии. В большом бизнесе без этого нельзя».

«Понимаю, – кивнул Сергей, внимательно просматривая приложения. – Я вижу, вы пользуетесь чистыми бланками, уже подписанными господином Хаттаби. Его доверие простирается так далеко, что он…»

Но управляющий не дал Сергею договорить:

«Существуют особые обстоятельства…»

«Поясните».

«Ну, иногда действительно существуют особые обстоятельства… Я же говорю, это бизнес…»

«А вы знаете, с кем еще сотрудничает господин Джеймс Хаттаби?»

«Ну, далеко не все… В меру наших возможностей… У нас ведь тоже есть некоторые информационные каналы… – начал пробовать варианты господин Арефьев. – Мы знаем, например, что у господина Хаттаби заключены интересные контракты с норвежцами…»

«Я спрашиваю вас о *другом* сотрудничестве».

«О чем это вы? – господин Арефьев посмотрел на Сергея с ужасом. Вряд ли при своей отчаянной близорукости он отчетливо различал лицо Сергея, просто в данный момент оно олицетворял для него все худшее. – Не понимаю вас».

«Хотите сказать, что не знаете о связях господина Хаттаби с некоторыми специальными службами?»

«Да откуда ж мне знать такое? – по-настоящему испугался управляющий, переводя взгляд на Валентина, в чьих руках он совсем недавно видел удостоверение сотрудника ФСБ. – При чем тут наша фирма?»

«Но ведь вы представляете Россию, господин Арефьев, – многозначительно заметил Сергей. – Разве не так?»

«Но…»

«Регистрируя фирму, имеющую выходы на зарубежных партнеров, вы, несомненно, знакомились с некоторыми рекомендациями?»

«Но…»

Сергей поджал губы.

Густое молчание, воцарившееся в кабинете, подействовало на управляющего и на его главбухшу сильнее всяких слов.

Они были сломлены.

И тогда Сергей задал главный вопрос:

«А заемные средства? Вы работаете с заемными средствами?»

«Да… Нет… Может, раньше… – пытался угадать нужное господин Арефьев. – Кажется, работали… Но недолго… сейчас у нас нет необходимости влезать в долги…»

«Вы уверены?»

«Но почему же мне не быть уверенным?»

«Ну, хорошо».

Сергей неторопливо поднялся.

Он очень хотел, чтобы до господина Арефьева дошел скрытый в его словах тайный смысл. «Будем считать, – сказал он, – что вы понимаете серьезность обязательств перед некоторыми вашими партнерами. Особенно таких, как заемные средства… – подчеркнул он. – Такие вещи иногда мешают нормальной работе…»

«Это все?»

Господин Арефьев, кажется, не верил, что ужасная гроза прокатилась над его головой, не извергнув убийственных громов и молний. Впрочем, и далекие ее отсветы перепугали его до смерти.

«Пока все, – сухо кивнул Сергей. – Мы изымаем из документов бланк, подписанный господином Хаттаби. Он понадобится нам для экспертизы. – И добавил, нажимая на скрытый подтекст: – Советуем вам внимательнее относиться к выбору партнеров… Как можно внимательнее…»

Спускаясь по лестнице, зло Сергей радовался, что нанятую Валентином «Тойоту» они оставили за углом. Ездить на такой битой машине было, по меньшей мере, легкомысленно. И уж ни в коем случае такая машина не могло сыграть на авторитет столь пестрой комиссии.

Это Сергей и высказал Валентину.

Однако обиделся не Валентин, а водила. «Ишь, машина не нравится! – обиделся он. – Да я на ней японцев возил!»

«Ну да, – сплюнул Сергей. – Слепых».

И кивнул Валентину:

«Гони его к черту, возьмем такси!»

И проводив злым взглядом рванувшую с места битую «Тойоту», взорвался:

«Кто так работает? Водила без прав, по документам фирмы никакой серьезной проработки! Липа на липе! – Он негодующе сплюнул. – Плакали денежки Бычков».

«С чего ты это взял?»

«Да с того, что близорукий господин Арефьев хоть и выглядит дураком, но все равно допрет, что мы пришли ниоткуда».

«Не допрет, – уверенно возразил Валентин. – Он может и трусоват, но взгляд на вещи у него наметан. Он человек трезвый. Твой намек на заемные средства достал его прямо в сердце. Ему теперь проще отдать долг, чем впутываться в непонятную историю. Бычки сегодня же позвонят ему и справятся, не возникло ли у него каких-либо проблем? И если господин Арефьев пожалуется им на такие проблемы, ну, скажем, на неожиданный интерес к его посреднической фирме со стороны сразу трех крупнейших спецслужб, а господин Арефьев непременно на это пожалуется, – подчеркнул Валентин, – то Бычки с большой готов-

ностью предложат свою посильную помощь. И сдается мне, – ухмыльнулся Валентин, – что Бычки сумеют уговорить страшные спецслужбы не лезть больше в загадочные дела господина Арефьева».

На другой день Сергей заглянул в МАП.

– Что это у тебя? – заинтересовался Карпицкий, увидев в его руках потрепанную книжку. – «Взорваль». Алексей Крученых… Ну, конечно, нет ни марки издательства, ни выходных данных… Двадцатые годы… *«Взорваль огня печаль коня рубли ив в волосах див».* – Он удивился: – Ты увлекся русскими футуристами? Или кто-то из друзей коллекционирует такие книжки? Это дорогое занятие.

– Для Суворова в самый раз.

– Понимаю, – кивнул Карпицкий. – *«Из подлого презрения к женщине и к детям в нашем языке будет лишь мужской род».* Почему-то футуристы считали это стихами. Так же, как и это, – ухмыльнулся он: – *«17 апреля в 3 часа пополудни я мгновенно овладел в совершенстве всеми языками. Таков поэт современности. Помещаю свои стихи на японском испанском и еврейском языках. Икэ мига ни. Сину кеи. Ямах алик. Зел».* – Он вернул книжку Сергею. – Каждому свое… Я знал человека, коллекционировавшего синонимические ряды алкогольных понятий. Тоже поэзия. Он создал целый словарь. – Карпицкий с удовольствием перечислил: – *Бормотуха, бухло, вакса, газолин,* это ты наверняка слышал. А вот *гектопаскаль*? Или *культамицин*? Или *муцифаль*? Или, например, *самодуринское*. Или *ундбляхер*, – неожиданно вспомнил он. – Ты не поверишь, но определение *ундбляхер* я однажды слышал в Германии в нашем консульстве!

Они посмеялись.

– В России подобные ряды возникают сами. *Алкаш, алая роза, бельмондо*. Как тебе? Или *стакановец*. Звучит празднично и торжественно. Открою секрет, эту коллекцию собрал Зотов. О нем я тебе рассказывал о нем. Зотов одним из первых сколотил капитал на водке, а потом ушел в монастырь. Впрочем, Бог с ним, – покачал головой Карпицкий. – С тобой и с твоим приятелем за эстонскую эпопею я полностью рассчитался. Только не впадайте в экономическую эйфорию, в капитализм мы еще не впрыгнули.

И посмотрел на Сергея странно:

– Ты как сидишь в Томске? Уверенно?

– В каком смысле?

– А во всех.

Сергей пожал плечами:

– Ну, скажем так, цены на хлеб меня пока не пугают.

– И то дай Бог. Не каждый такое скажет. Но я не об этом. Пришлось мне тут встретиться с человеком от Лео. Помнишь эстонского медного короля? Так вот, этот человек рассказал мне про журналиста, работавшего в Эстонии. Он печатался под псевдонимом Валдис. Помнишь такого? Так вот, – кивнул Карпицкий, – вычеркни Валдиса из адресной книжки. После грандиозного скандала, который он устроил одному влиятельного члену правительства, случилась тяжелая автокатастрофа. Не с членом правительства, конечно, – усмехнулся Карпицкий. – Вообще протянулась из Эстонии цепочка каких-то странных убийств и случайностей. В некоем странном контексте упоминалось даже твое имя…

– Но я жив, – усмехнулся и Сергей.

– Все временно, – задумчиво ответил Карпицкий. – К сожалению, все временно.

– Но с чего вдруг всплыло мое имя?

– Наверное в Эстонии тебя запомнили. Скажем, известные тебе господа Тоом и Коблаков, которым ты немало насолил. Вот тебе мой телефон, – протянул он визитку. – Не удивляйся, это мюнхенский номер. У меня в Мюнхене теперь домик. И послезавтра я лечу в

Мюнхен. Если у тебя возникнут какие-то сложности, позвони. В конце концов, это я втянул тебя в историю с противогазами. Мне этот разговор с человеком из Эстонии очень не понравился. Честно говоря, – улыбнулся он, – до сегодняшнего дня я не считал, что ты можешь интересовать очень крупных акул, но, похоже, в Эстонии у кого-то вырос на тебя большой зуб. Так что поостерегись. Особенно находясь в Москве. Сам знаешь, время сейчас смутное. Да и в Томске поостерегись.

И в это время затренькал телефон.

– Сергея Третьякова? – удивленно сдвинул брови Карпицкий. И протянул трубку: – Пожалуйста.

«Сережка, – услышал Сергей мрачный голос Коли Игнатова. – Бросай все к чертям и лети домой».

– Что случилось?

«Веру убили».

Реальная грязь

Вера Суворова возвращалась с благотворительной вечеринки.

Рядом курила Соня Хахлова, давняя подружка, главный редактор литературной газеты «Сибирские Афины», поддерживаемой Суворовым. Метрах в ста от пересечения улицы Ленина с переулком Нахановича Соня услышала хлопок, похожий на выстрел, а потом громкие крики. Потом побежал через улицу какой-то человек. Бежал он прихрамывая, и часто оглядывался. Первое, что пришло в голову Хахловой: прихрамывающего человека преследуют и он отстреливается.

Она не ошиблась.

В тот вечер сотрудники полковника Каляева проводили плановую зачистку центра. Неожиданностей никто не ждал, поэтому активное сопротивление уголовника Коляна, случайно опознанного дежурным милиционером в сквере, оказалось для оперативников именно неожиданностью. Выхватив из сумки пистолет Макарова, Колян дважды выстрелил в воздух, вызвав панику среди прохожих, а затем, отбросив в сторону синюю спортивную сумку, кинулся от погони через улицу.

– Конечно, случайность. Всего лишь случайность. Зачем было уголовнику стрелять в Веру? Он увидел «мерседес» и выстрелил просто так, для острастки, – в десятый раз повторил Сергей. – Все свидетели утверждают, что Колян стрелял вслепую, не глядя. Он хотел только напугать преследователей. – В сущности, Сергей повторял то, что Суворов уже и сам слышал от полковника Каляева. – На месте Веры мог оказаться, кто угодно.

– Но оказалась Вера…

Сергей хмуро кивнул.

Они сидели в кабинете Суворова.

Без устали кружил по экрану не выключенного компьютера голубой самолетик, потрескивал озонатор на подоконнике. Все как всегда, все было, как неделю, как месяц, как год назад, лишь горьковатая печаль, какой-то особенный горьковатый привкус печали и непонимания были разлиты в чистом, как после только что пронесшейся грозы, воздухе.

– Ты же знаешь, – повторил Сергей. – Лучшие люди Управления брошены на поиск этого Коляна. Зачем тебе вмешиваться в поиск?

– Я хочу, чтобы преступника схватили. Хватит Каляеву отделываться статистикой.

– Но стоит ли начинать собственные поиски?

– Я прошу тебя не о многом, – устало потер лоб Суворов. – В отличие от меня, ты бываешь в самых разных компаниях, даже в подозрительных. Вот я и подумал, что вдруг кто-то из твоих приятелей выйдет на Коляна?

– Да он, наверное, уже свалил из Томска.

– Я чувствую, что он неподалеку, – покачал головой Суворов. – Куда ему сваливать? На какие шиши? Все выходы из города под контролем, а почти вся украденная валюта осталась в брошенной сумке.

– А что слышно про Морица и несовершеннолетнего инвалида? Они-то куда делись? Считай, пошла третья неделя, как они куда-то исчезли.

– Каляев говорит, что нужен, как минимум, месяц, чтобы объявить их во всероссийский поиск, – Суворов, конечно, понимал, что Сергей только пытается сменить тему. – Каляев уверен, что никуда они не исчезли, просто выпали в осадок в каком-нибудь притоне. Уверяет, что неделю назад инвалид звонил матери. Бессвязный получился разговор. Мать пьяна, и инвалид под кайфом. Но его ищут, он может знать что-нибудь о Коляне… *«Здесь переводят в цифры буквы, здесь в пачки переводят строчки,* – без всякой связи сумрачно вспомнил он. –

Цветут развесистые клюквы и запоздалые цветочки. Под сенью этого цветенья свободный лавр не приживется. Не продается вдохновенье, никак – увы – не продается».

Что-то не нравилось Сергею в Суворове.

Может, усталость, с какой он говорил об исчезновении Морица, вполне возможно, как-то связанного с Коляном. Может, надломленность, с какой он просил искать Коляна.

– Помнишь, я рассказывал о последней встрече с Верой? В кафе «У Клауса». Как ты думаешь, что мог означать ее сон?

Сергей не ждал ответа.

Проще заглянуть в сонник.

Даже близкие люди самой природой обречены на тайны друг от друга, подумал он. Возможно, у Суворова и у Веры этих тайн было меньше, чем у других людей из их окружения, но они все равно были. Существование подобных тайн гарантируется различием полов. Разве не остался тайной для Суворова некий господин Хаттаби?

– Веру испугал сон, – повторил он. – Но что страшного увидела она в нем?

– Не знаю, – покачал головой Суворов. – Мы с Верой собирались встретить миллениум на одном из островков Тихого океана. Она этого очень хотела… Она вообще хотела многого… Она ведь только-только раскрепостилась, только-только начала жить… Не все у нее получалось, но она старалась… – Суворов сумрачно взглянул на Сергея: – *«Ваши средства были дурны, но ваша обстановка не дала вам других средств. Ваши средства принадлежат вашей обстановке, а не вашей личности».*

– Это цитата?

Суворов кивнул.

– Последние два года Вера не сидела на месте, – объяснил он. – Но такая ее жизнь казалась праздником только снаружи. Вера открывала мир не как турист, а как равноправный обитатель этого мира. А это нелегко, потому что в глаза всегда лезет масса ужасных отличий. Вера увидела, наконец, как сильно различаются в различных уголках земли самые, казалось бы, устоявшиеся понятия. Например, честность. Она увидела, наконец, что чем богаче или бедней человек, тем сильней размываются в его сознании самые простые этические понятия. Отсюда, думаю, ее непреходящий интерес к Чернышевскому. К нему ведь часто относились предвзято, а сейчас, кажется, вообще никак не относятся. Как человек, он был противоречив, было в нем нечто отталкивающее. Этот протертый халат, беспрерывное курение, рассеянность. Для многих и книги Чернышевского – нестерпимо скучное чтение. Но кто и когда утверждал, что серьезные вещи обязательно должны читаться как детектив? – Суворов, казалось, забыл о Сергее, он сумрачно рассуждал сам с собой. – Философия становится детективом только тогда, когда судьба начинает наотмашь бить тебя кулаком. Вот тогда ты действительно начинаешь с жадностью пожирать все, что может подтолкнуть тебя к истине. Короче, по-настоящему истина интересует нас только в экстремальных ситуациях.

Он взглянул на Сергея:

– Догадываешься, почему?

– Объясни.

– Да потому, что мы все время стараемся забыть о том, что живем среди грязи, среди вечной неизбывной грязи, – судя по сумрачному, даже мрачному взгляду, Суворов в этот момент думал о Коляне. – Больше того, мы сами являемся частью этой грязи. Мы сами являемся частью наших проблем. Не стоит даже думать, что мы не имеем никакого отношения к этой грязи. Вот мне и кажется, что Вера вплотную подошла, наконец, к осознанию этого факта. По крайней мере она заговаривала со мной о реальной грязи.

– О реальной? – не понял Сергей.

Суворов странно улыбнулся.

– «*Вы интересуетесь, почему из одной грязи родится пшеница такая белая, чистая и нежная, а из другой грязи не родится?* – произнес он каким-то не своим, каким-то неживым голосом. – *Посмотрите корень этого прекрасного колоса: около корня грязь, но это грязь свежая, можно сказать, чистая грязь; слышите запах сырой, неприятный, но не затхлый, не скиснувшийся?»* Вот это и есть реальная грязь. В варианте Чернышевского. То есть, не грязь в обывательском понимании, а, скорее, реальная почва, вскармливающая все живое. Ну, а вот все остальное… Все остальное действительно можно отнести к грязи мертвой, которая ничего не рожает и ничего не может вскормить…

Ну, хорошо, грязь, подумал Сергей.

Ну, хорошо, реальная грязь. Можно сказать и так.

Вера Суворова активно постигала мир, она получила для этого возможности, какие ей раньше не снились. Понятно, что когда-то она могла сравнивать лишь то, что сама видела в Томске или, скажем, в Москве, с тем, о чем могла прочесть в книгах. (Кстати, не так уж мало для думающего человека, отметил про себя Сергей.) Но в последнее время Вера видела мир со всех возможных и даже невозможных точек. *Я свободна, потому что во мне нет обмана, нет притворства. Я не скажу слова, которому не сочувствую, не дам поцелуя, в котором нет симпатии.* Много лет назад такие слова произнесла Вера Павловна, героиня, созданная странными тюремными фантазиями Чернышевского. Сергей книжную Веру Павловну не любил, ее мысли школа вколачивала в него палками. А вот Веру Суворову он любил. Она была понятна Сергею. Она никогда не наводила тень на плетень. В отличие от книжных героинь, она с легким сердцем могла отдать поцелуй без любви. Почему бы и нет? Губы господина Хаттаби тоже чего-то стоят…

К черту, решил Сергей.

Его сбивала с толку просьба Суворова: найти Коляна!

Он чувствовал какое-то беспокойство, тревогу даже. Суворов упрям, думал он. Этот Колян свел вокруг Суворова все тайны. Казалось, они жили в абсолютно разных мирах, в абсолютно непересекающихся мирах, казалось, они никогда не могли и услышать-то друг про друга, но Колян сделал невозможное. Если раньше Суворов хотел только вернуть записную книжку, то теперь вдруг захотел заполучить в свои руки самого Коляна…

Зачем?

Он незаметно взглянул на Суворова.

Бывший доцент сидел в кресле чуть наклонившись вперед, левой рукой упершись в подлокотник. Сергей почему-то вспомнил гладкий лоб Веры Павловны, покрытый южным загаром. Почему Вера испугалась, увидев Морица? *Ты будешь спать, но я тебя не трону.* Во сне она видела Морица похожим на обезьяну. Но он таким был и в жизни. И вполне мог пить из чаши полведра объемом. Разумеется, красный портвешок.

Ты будешь спать, но я тебя не трону, любовь моя к отечеству заразна…

В кафе «У Клауса» Вера Павловна сказала, что обыкновенных алкашей не бывает. И объяснила, что алкаши, они всегда как судьба. И все равно Ирина, хозяйка кафе, удивилась: «Почему она никогда за себя не платит?»

А потому и не платит, что она – осознавшая себя живая грязь, реальная грязь.

А Мориц? А несовершеннолетний инвалид? А господин Джеймс Хаттаби, имя которого так странно всплыло в Москве в тощей папочке с банковскими документами? Они тоже осознали себя, как реальная грязь?

Он вдруг вспомнил, с каким ужасным негодованием полковник Каляев встретил однажды заявление Суворова о том, что Мориц – поэт. Они только расселись в чайной комнате, распаренные, горячие. «Поэт? Как Пушкин, что ли? – изумился полковник. Наверное, ему показалось, что Суворов шутит. – Ты, Алексей Дмитрич оговорился. Ты хотел сказать, что Мориц – типичный городской сумасшедший!»

«Он поэт», – возразил Суворов.

«У него есть высшее образование?»

«Есть», – разочаровал полковника Суворов.

«Да врет он! Купил диплом за бутылку! Или украл! – взорвался Каляев. – А если и правда что-то закончил, то это тоже воровство. Он украл у другого человека возможность заниматься полезным для общества трудом! Я вам так скажу, – заорал полковник. – Большинство людей с высшим образованием придурки. Много о себе думают! Я не просто так говорю, я чистую правду говорю: чем проще человек, чем он неграмотней, тем легче с ним работать! Возьмите простого урку из народа. Если ты нацепил на него наручники, он с тобой без споров, как с братом, будет работать. А почему? Да потому, что он знает, за что борется! Он знает, что борется за волюшку, за кусок хлеба, за крышу над головой, а не за какие-то там идеи. То есть, он функционирует в одной системе с нормальными людьми. А все эти придурки с высшим образованием сразу начинают врать. Не успеешь на них надавить, как они уже врут. Сажал я всяких интеллигентов, – возмущенно взмахнул руками Каляев. – У них вранье от большого ума. Им в голову не приходит, что все мы живем с одного огорода, что всех нас кормит одно государство. Им даже в голову не приходит, что с одного огорода можно взять всего лишь столько, сколько этот огород может дать. И ни на килограмм больше! Сажал я всяких придурков! – гремел полковник. – Сами ничего государству не дают, зато считают, что имеют право на всё. Забыли слова товарища Ленина. Товарищ Ленин говорил: прежде всего учёт! Вот, скажем, у тебя лично сколько соток на даче? – грозно воззрился полковник на Суворова, будто тот был помещиком. – Десять? Вот видишь! С десяти соток хорошо можно жить. А эти придурки с высшим образованием, они всех сбивают с толку. И сами ничего не сажают, и других зовут на баррикады: дескать, силою все возьмем! А потом, после разговора с милицией, требуют бесплатных лекарств. Где, мол, наши бесплатные лекарства?»

Яблоко Фурье

Рыжего лоха с удобной сумкой на ремне Колян засек возле почты.

В крохотном зале, пристроенном к железнодорожному вокзалу с западной стороны, можно было написать письмо и тут же сдать дежурной, а можно было через ту же дежурную отбить телеграмму или заказать срочные телефонные переговоры с любым городом.

Впрочем, в любой – это так только говорилось.

На самом деле, в Новосибирск, например, дозвониться можно было сразу, а вот в Читу далеко не всегда. И объяснить причину никто не мог. Какая, к черту, причина? Просто линия барахлит.

Рыжий лох, голубоглазый, плечистый, дважды заходил в почтовое отделение. Может, пытался дозвониться именно до Читы, кто знает? Главное не в этом. Главное в том, что была при лохе удобная спортивная сумка на ремне, на молниях и липучках.

Сумка сразу понравилась Коляну.

В такой сумке вещи должны лежать качественные, решил он, не то что в его затасканной – несвежие носки да чужая записушка.

Правда, интересная записушка.

В ней вся дурь человеческая, а может, весь ум, все двенадцать гармоний.

В ней яблоко Фурье, которое особенно нравилось Коляну – ну, никак его не угрызть!

Чего говорить, хорошая сумка.

Не так давно, правда, была у него не хуже – спортивная, с капустой, но ее пришлось бросить в Томске. Там же Колян бросил пушку. Осталась при Коляне только чужая записушка, да еще повезло – вырвался из Томска, сумел добраться до станции Тайга. Намертво залег у Саньки Березницкого, а это старый кореш, надежный, лось по жизни. Всегда занят, но все видит. Сегодня, например:

«Куда?»

«На свиданьице».

«А с кем?»

«А с Анькой».

«А кто такая?»

«А стерва одна».

Врал, конечно, да Санька и не думал верить.

А рыжий лох – уверенный, с уважением отметил Колян, морщась от головной боли. Хорошо держится, живет не за чертой бедности. Правда, никак не сидит на месте. То прошвырнется по перрону, то заглянет в зал ожидания. Наверное, не привык ждать. Даже странно, что такой уверенный лох шастает по вокзалу. Зачем он в Тайгу приезжал? Покупал что-нибудь?

Впрочем, это Коляну было все равно.

Главное, что рыжий лох хорошо прикинут.

Но, конечно, если б не Санька Березницкий, лось по жизни, старый кореш, лет семь назад (после досрочного освобождения) прочно обосновавшийся в доме умершей матери, Колян ни за что не выполз бы в город. Опасно, ох, опасно появляться ему на людях. Пусть никто не знает его на станции Тайга, все равно опасно. Почти полтора месяца просидел Колян у Саньки Березницкого, никуда не выползая из закрытого тесовым забором двора, а опасность не миновала, он всей шкурой чувствовал – не миновала. По-доброму, сидеть бы еще да сидеть, да бабки кончились.

Колян ухмыльнулся.

Сидеть – не бежать, одышка не мучает.

Если бы старый кореш не стал коситься, что вот, мол, жрать-пить все кончилось, Колян отсиживался бы за глухим забором. Как в той коммунистической фаланге, про которую вычитал в чужой записушке с золотым обрезом. Там, правда, не все было понятно написано, но так получалось, что коммунистическая фаланга это что-то вроде большой веселой общаги. Ешь вволю, пьешь вволю, стучишь на фортепьянах, лапаешь баб, а хочешь – землю паши. У Саньки Березницкого жизнь, конечно, сложней. Жила при нем малая собачка Зюзя, алкашка, вот и вся общага. Проснувшись, требовала хлебных корок, смоченных в пиве, а то в водке, во всем, паскуда, подражала хозяину.

А лето.

А тепло.

А времени свободного хоть завались.

Санькин дом на отшибе. Во дворе пахнет сладкой травой.

Забор глухой, высокий, с улицы во двор заглянуть не просто.

Вечером, когда прохладнее, когда не сильно досаждают комары, когда совсем не видно вблизи прохожих, можно искупаться в грязноватой запруде – поблизости. Но лучше просто валяться на траве и думать.

Думать Колян любил.

Когда тебе за тридцать, есть о чем подумать.

К тридцати годам у человека много скапливается материала для раздумий.

Хорошо думается о самых разных вещах, даже о таких, какие раньше в голову не приходили. Ну, скажем, о коммунистических фалангах. Или о всеобщем счастье. Или о жизни, в которой делай, что хочешь, всё в жилу и никто тебе не указ.

И Саньку интересно послушать.

Он нытик, но жизнь знает, просто не везет ему.

Первую ходку в зону Санька совершил случайно: за плохо вымытый железный ковшик. За колючку обычно садятся по делу, а Санька сел за плохо вымытый железный ковшик. Сварил ханку, а ковшик помыть не успел. Тут менты и нагрянули. Привет, мол, Санёк, как жизнь? Неужто хреново? Ничего, утешили, будет хуже, посуду вовремя мой, паскудник!

И вторую ходку Санька объяснял непрухой.

Шел по улице и нашел будто бы пакет с травкой.

Ну, сухая травка, ничего особенного, он понюхал, запах целебный. Кто ж ее знает? Санька не старик-шептун и не знахарь. Разболелись ноги в тот день, он подумал, может нагреть воды да попарить найденной травкой ноги? Так и подумал: приду домой, ноги попарю. А тут, как в страшной сказке, набежали менты. Привет, мол, Санёк, как жизнь? Да неужто хреново? Ничего, утешили, будет хуже, всякую травку не подбирай, паскудник!

Опять поворот судьбы.

После нехорошей перестрелки, приключившейся летом в Томске, Колян прятался у Саньки почти полтора месяца. Слышал, что одна из пуль, выпущенных им из «Макара», попала в человека. Даже не в человека, а в бабу. При этом в бабу богатую.

То-то и плохо, что в богатую. Значит, теперь на него, на Коляна, спущена не одна стая легавых. Значит, у каждого мента на транссибирской магистрали имеются в кармане его фотки. Самое время отсиживаться за тесовым забором, тихонько сосать пивко, но Санька прав – бабки кончились. Все, что было при Коляне, все кончилось, а капусту он бросил в Томске. И пушку бросил. Все не по-людски получилось. Думал свалить из Томска богатым, в вагоне СВ, может, с кудрявой подружкой (обязательно с кудрявой!), думал купить в глубине России в уединенном райцентре небольшой домик с удобствами, а вот никуда теперь не едет, от всех прячется. И, прежде всего, от отца Дауна, обещавшего счастливую жизнь.

Вспоминая об отце Дауне, Колян нервничал.

Хорошо, что (пока были бабки) Санька выправил ему справку о досрочном освобождении. Понятно, липа, и выписана на имя какого-то Кобелькова, но все-таки документ. Только раздражало Коляна, почему, твою мать, Кобельков? Почему не Кобелев хотя бы? И вот в Томске, все вспоминал он, в тот вечер все должно было получиться иначе, но почему-то осервенились менты. Может, на непогоду – высыпали на улицу, как горох. Или ловили кого-то?

Может, *меня* ловили?

Такая дурная мысль уже приходила Коляну в голову.

Не нравилась Коляну эта мысль, портилось от нее настроение. Но ведь может и правда, *его* ловили? Почему нет? Уж как-то понятливо кинулись на него менты. Пришлось стрелять. Последнее дело.

Колян сплюнул.

В жизни не бывает так, чтобы все шло ровно и гладко.

Утром вот тоже пообещал Саньке: «Вернусь с бабками». Подумав, пояснил: «Еще недельку перекантуюсь, а потом съеду. Сам вижу, что приелся тебе». Санька, понятно, возразил: «Да живи, мне-то что. – Даже пошутил: – Соседка опять заглядывала через забор».

«Кто такая?» – насторожился Колян.

«Да так, сучка, – объяснил Санька. – Прописана по соседству, живет у родной тетки. А работает в собесе, нужный для местных старух человек. Языком, правда, любит молоть, тетку жалеет. Знает, что с теткой когда-то жил. Прикрикну на нее, она зашипит, как змея: сядешь, мол! А я рублю: „Отсижу, выйду честный, тебя задавлю“. У нее вообще-то, что ни глаз, то рентген. – И спросил: „Может, правда, тебе свалить из Тайги?“

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.